

и Солнце возойдет

*Любовь
на острие
скальпеля*

Варвара Оськина

18+

Солнце

Варвара Оськина
И солнце взойдет

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Оськина В.

И солнце взойдет / В. Оськина — «Издательство АСТ»,
2023 — (Солнце)

ISBN 978-5-17-156486-5

Последние десять лет Рене Роше бредила нейрохирургией. Она мечтала о ней на университетской скамье, пока стояла стажером в операционных и даже во снах. Но когда до заветной цели остался лишь шаг, смерть учителя перевернула привычный мир вверх тормашками. Другая специальность, другая больница и... новый наставник, который, кажется, её ненавидит.

УДК 821.161-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-156486-5

© Оськина В., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

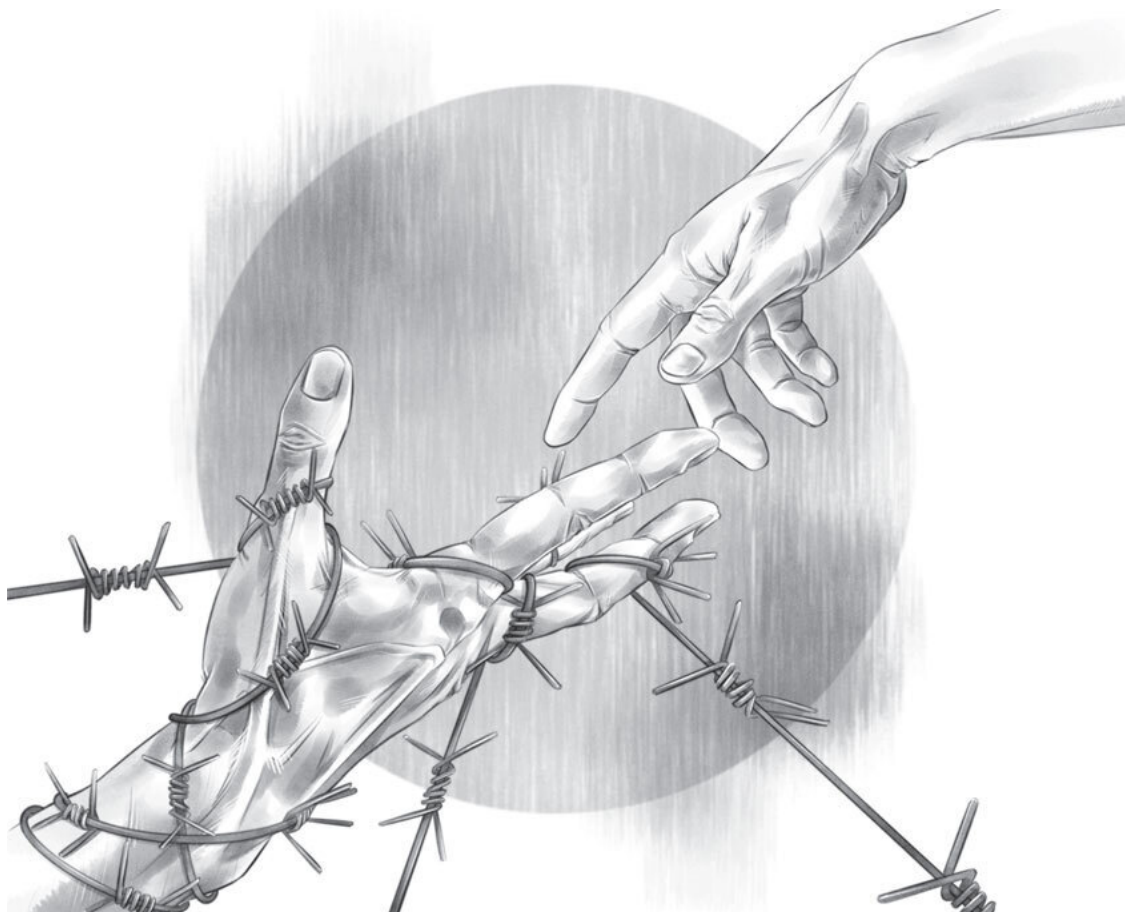
Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	37
Глава 4	56
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Варвара Оськина

И солнце взойдет

Copyright © Варвара Оськина, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Три-два-один...

Включившееся радио наполнило электронным битом по-детски обставленную комнату. Музыка ворвалась так неожиданно, что лежащая на кровати Рене испуганно вздрогнула и споткнулась на полуслове очередной мнемоники. Однако привычка не подвела, и, схватив валявшийся рядом конспект, она со всей силы несколько раз ударила им по выключателю старенького приёмника. Тот, кажется, был привезён в Канаду чуть ли не первыми колонистами, а потому совершенно не понимал ласки.

Наконец стоявший около кровати пережиток бакелитовой промышленности одумался, и неуместные в этот ранний час басы стихли, однако покой так и не вернулся. Она села на кровати и задумчиво потёрла протянувшийся через всё лицо шрам, что неприятно зудел. Взгляд упал на часы, а руки сами потянулись к тонкой красной полосе, которую так и хотелось расчесать короткими ногтями. Рене одёрнула себя. Надо было собираться, время поджимало, и над крышами Квебека уже серело предрассветное осеннее небо.

Комната вновь сотряслась развесёлым ритмом, и Рене дёрнулась. Во имя Кохера, Бильрота и Холстеда! Так недолго и поседеть! Она нервно хихикнула, представив, что где-то в своих постелях вот так же вздрагивали неожиданно проснувшиеся люди, и покачала головой. Похоже, диджей решил довести до инфаркта всех ранних птишек, подсунув в эфир этот хит пресвятой девы поп-сцены. Рене снова вздохнула, в очередной раз безрезультатно хлопнула конспектом по кнопке выключения приёмника и всё же вылезла из кровати.

Потерев одну замёрзшую ступню о другую, Рене, пританцовывая в такт песенке, пробежала в холодную ванную, а оттуда – на резиновый коврик размять ноги в *relevé* и *passé*¹ перед долгим дежурством. После под не менее музыкальный стук зубов она натянула шерстяное платье в весёлых ромашках, заплела непослушные светлые волосы в две немного наивные косички и встретила в зеркальном отражении с собственным нервным взглядом.

Ах, ради бога! К четвёртому году резидентуры² пора бы иметь чуть больше гонора и чуть меньше зубрёжки. Даже если оперировать настолько травмированные нервы предстояло впервые. Даже если до чёртиков страшно. Даже если ради сюжета о Рене Роше сегодня со всей огромной провинции съедутся репортёры, а наставник притащит две группы студентов в назидаение подопечной и во имя своего эго. Ведь когда твоя ученица – двадцатилетняя пигалица... Ну хорошо. Двадцатитрёхлетняя. Однако много ли это меняло, если все её однокурсники были

¹ *Relevé* – от фр. *relever* – поднимать. Движение, обозначающее подъём на полупальцы. *Passé* – от фр. *passer* – проходить. Путь работающей ноги при переходе из одной позы в другую.

² Резидентура – вариант образования после окончания медицинской школы для приобретения узкой специальности. В Канаде в зависимости от направления резидентура длится от двух до восьми лет.

лет на пять старше? Нет, её возраст действительно стал событием в медицинских кругах, что уж говорить о фамилии!

Роше.

Глупо отрицать, но имя семьи давило. Давило даже в те времена, когда прямо посреди дедушкиного кабинета в Женеве пятилетняя Рене строила кукольные домики из медицинских журналов. Максимилиен Роше тогда ещё только претендовал на пост главы Комитета Красного Креста, а потому мог позволить себе несколько вольностей. К тому же он слишком любил свою *petite cerise*³, что было абсолютно взаимно.

Поскольку родители вечно пропадали в командировках, именно дедушка посещал её выступления в балетной школе, водил в зоопарк и позволял использовать вместо игрушек наглядные макеты печени и почему-то трёх почек. А ещё гордо представлял коллегам и партнёрам, брал с собой на благотворительные вечера, где умудрённые опытом мировые врачи постоянно трепали Рене по белокурым кудряшкам, и не переставал утверждать, что однажды из его внучки выйдет лучший хирург.

Сама она в ту пору не испытывала ни малейшей тяги к какой-либо медицине и, несмотря на невероятные успехи в учёбе, мечтала стать балериной, чем несказанно удивляла знакомых семьи. Кто-то даже неловко шутил, что ей не передался ни один из врачебных генов родителей. Но потом в жизни случился тёмный подвал, протянувшийся от брови до ключицы огромный шрам, и экстерном оконченная с отличием школа. Ну а дальше всё просто: Канада и нежданно для всех факультет хирургии, куда Рене поступила в четырнадцать лет с опозданием на несколько месяцев.

Она хотела сбежать от прошлого и Женевы, однако слава семьи настигла её даже через Атлантику. Увы, вес фамилии оказался слишком большим, вынудив мадемуазель Роше постоянно хватать слишком много нагрузки, зарываться в учебники и зубрить в попытке доказать себе и всему миру, что она не просто известное имя... что она сама по себе. Но, видимо, именно это отчаяние, с которым Рене боролась против предубеждений и ожиданий, принесло ей внимание лучшего в Канаде нейрохирурга, на чьём счету было больше известных учеников, чем у целого медицинского факультета.

Из всех выпускников того года Чарльз Хэмилтон выбрал только её. И хотя поначалу работать с профессором оказалось до чёртиков сложно, спустя несколько лет их деловое общение постепенно переросло в своеобразную дружбу. Они шутили, поздравляли друг друга на Рождество и стали почти семьёй. Девочка, чьи родители восемь из десяти лет проводили в миссиях где-нибудь в Африке, и одинокий старик с мировым именем.

Рене нравился его едкий юмор, топорщившаяся седой щёткой борода и то, как перед сложными операциями он с присущим ему простодушием грассировал американское *tout ira bien*.⁴ Несмотря на проведённые во французском Квебеке десятилетия, его американский акцент порой вызывал скорбные вздохи у всего персонала. Впрочем, профессору прощалось если не всё, то очень многое, в том числе и отвратительное произношение, от которого вздрагивал каждый уважающий себя франкоканадец. Ведь не любить этого человека было попросту невозможно, даже когда он кидал на амбразуру хирургии малолетнюю соплячку.

В который раз вздохнув от нахлынувших переживаний, Рене поскребла ногтями гадко ноющий шрам и накинула тонкую куртку.

Осень в Квебеке наступила как-то слишком уж рано и выдалась особенно суетливой. И всё же стандартное, точно классификация кишечных болезней, сонное утро начинало разбег и вместе с медитативно напевающим из наушников голосом не предвещало сюрпризов. Шурша по пути на остановку обёрткой злакового батончика, Рене пинала опавшие листья, глотала из

³ Маленькая вишенка (*фр.*).

⁴ Всё будет хорошо (*фр.*).

картонного стаканчика пережаренный кофе и вслушивалась в тягучий голос мистера Йорка. Колокольчик из песни убаюкивал нервный мандраж, и когда подошёл первый автобус, волнение прошло. Операция назначена на два часа, а пока... Она уселась поближе к чуть запотевшему окну и закрыла глаза.

Ничем не примечательный путь до больницы прошёл так же скучно, как и всегда. За мутным стеклом медленно проплыла лента низких кирпичных домов, затем мигнули светившиеся жёлтыми фонарями башенки сказочного «Шато-Фронтенак», а потом неуклюжий автобус втиснулся в очередной узкий квебекский переулок и свернул на мост через реку Сен-Шарль, где остановился напротив комплекса огромной больницы. Вылетев из душного транспорта, Рене бегом пронеслась через главный холл и едва успела нырнуть в закрывающий двери лифт. По пути она кивала коллегам и даже успела обменяться парой ничего не значащих фраз со спорящими в раздевалке ассистентами, прежде чем натянула халат и схватила вишнёвый стетоскоп. Через пару минут торопливый перестук её ярко-жёлтых хирургических тапочек потонул в гвалте утренних коридоров.

В этот час в отделении нейрохирургии было особенно людно. Уходившие с ночного дежурства медсёстры громыхали пустыми каталками, из палаты в палату перевозили аппаратуру, повсюду раздавались приглушённые разговоры, смех, какой-то писк и треск. Конечно, госпиталь при крупнейшем университете и так не замолкал круглые сутки, но в часы пересменок становился похожим на высоковольтную вышку. Под потолком каждые десять секунд ожидал сонный динамик, то призывая анестезиолога в пятую операционную, то делая объявления для посетителей; между палатами бродили растерянные родственники пациентов, а в ординаторской напротив негатоскопа допивали вторую чашку кофе врачи. В общем, день набирал обороты, а вместе с ним начинала разбег обычная для резидента канитель ассистентских забот.

– *Bonjour*, Энн, – торопливо бросила Рене молодой медсестре, которая что-то сосредоточенно записывала в электронный журнал и одновременно прижимала к уху телефонную трубку.

Услышав приветствие, та подняла большие голубые глаза, и собранные в два весёлых пучка рыжие волосы, что делали её похожей на милую японскую куколку, задорно качнулись.

– Ты сегодня в «вишенках»? – спросила девушка и перегнулась через собственный стол, пытаясь что-то там разглядеть. Правда, Рене всё равно пришлось задрать ногу и продемонстрировать разрисованную улыбающимися мультяшными ягодами ярко-жёлтую тапочку. – Супер! Значит, в эти сутки никто не умрёт. Люблю работать в твою смену, – выдала медсестра, а затем выложила на стойку пачку разноцветных папок и вернулась к расписанию дежурств.

Иногда Рене поражалась, насколько Энн могла быть суеверной и находить благоприятные знаки даже там, где тех от природы не могло быть. Например, эти дурацкие тапочки-«вишенки», которые якобы приносили удачу. Или вот забытый кем-то в ординаторской кактус, что носил имя «Джек» и обязательно зацветал перед неделей непрерывных операций на черепе, после которой всем в отделении хотелось если не прыгнуть в окно, то напиться до остановки пульса уж точно. Всё что угодно, лишь бы не видеть во сне снова чьи-то мозги. Но, когда Рене уже собралась пошутить об этих приметках, маятниковые двери пафосно распахнулись.

В коридор вышли двое рабочих, а следом за ними вплыл глава отделения. Он нёс в руках огромный рулон со свёрнутым транспарантом и сосредоточенно высматривал нечто неведомое под навесным потолком, прежде чем заметил нужную нишу. Через пару минут под удивлённым взглядом ничего не понимавшей Рене через весь коридор протянулся плакат.

– *Симпозиум по неотложной хирургии в нейротравматологии*, – медленно прочтала она и повернулась к стойке администратора под звук шуруповёртов рабочих. – Что это?

– Очевидно же: симпозиум по хирургии. Неотложной, – машинально откликнулась Энн.

– Но почему?!

Вопрос был риторическим и включал в себя не столько удивление тематикой, сколько «почему именно здесь», «почему именно сегодня» и наконец «почему нам ничего не сказали». Однако, встретившись с укоризненным взглядом дежурной медсестры, Рене нахмурилась.

– Потому что так решило руководство, – проворчала та. – Иди и спроси своего наставника, например. Это он в последний момент настоял, чтобы мероприятие состоялось у нас в отделении.

– Профессор Хэмилтон знал? – Стало ясно, что рабочая смена решила пойти под откос прямо с утра. Рене озадаченно моргнула, а затем растерянно повторила: – Но почему...

– Говорят, из Монреаля прикатит какая-то очень важная шишка. И поскольку последнее выступление до обеденного перерыва закончится аккуратно перед твоей операцией, то... – Энн игриво вздёрнула брови, а Рене застонала, – то думай сама, сколько старых маразматиков во главе с главным снобом придут на тебя поглазеть. И это я молчу про придурков с камерами, которые наверняка забудут выключить вспышки.

Чёрт! Унявшаяся было тревога вспыхнула снова, и Рене нервно отбила жёлтым носочком рванный ритм. Она очень хотела знать, почему Хэмилтон ничего не сказал.

– Может быть, он просто забыл? – пробормотала Рене сама себе, но Энн скептически хмыкнула. – Ну не мог же он меня подставить... Это не в его характере. Просто абсурд!

– Угу-угу. Ты всегда веришь в лучшее, радужных единорогов и ванильных пони, – саркастично протянула медсестра. – Спустись на землю, Роше. Тебе осталось два года до экзамена на лицензию. Прости, но пришло время показательных выступлений. А значит, всё. Кыш. Иди работай и повтори там... что вы там повторяете?

– Протоколы.

– Вот. А ещё не забудь про пациентов. Ночью твоего эпилептика перевезли в отделение, просил передать: его больше не тошнит.

Рене недоумённо замерла, пытаясь понять, отчего новость прозвучала столь необычно, моргнула, а потом улыбнулась так радостно, что Энн усмехнулась.

– Он заговорил? О! Спасибо! – Она подхватила папки и перегнулась через стойку, чтобы поцеловать медсестру в щёку. Та смущённо замахала рукой, словно отгоняла надоедливую муху, и вернулась к подсчёту смен.

– Да я-то здесь причём? Ты же оперировала.

– За новости, – мягко ответила Рене. – Сколько бы ты ни ворчала, но ведь любишь сообщать нам хорошее.

Она весело подмигнула, а Энн притворно нахмурилась.

– Твою блаженность даже могила не исправит, – донеслось добродушное бухтение медсестры, когда Рене уже бежала по коридору. – Он в пятой!

Но это она уже видела сама, остановившись около двери с картой пациента в прозрачном держателе. Рене коротко постучала и вошла в палату, которую расчертили золотые полосы утреннего солнца.

– *Bonjour, monsieur Josher!*

– Ах, доктор Роше.

Полный мужчина лет сорока с опухшим из-за недавней операции лицом и перебинтованной головой попробовал сесть, но был тут же остановлен. Привычно взяв пульт, Рене приподняла спинку, а сама одной ногой подтянула поближе стоявший около двери табурет. Шум колёсиков привлёк внимание мистера Джошера. Он глянул вниз – туда, где обутая в жёлтую обувь нога упёрлась в металлическую опору кровати, – и удовлетворённо кивнул.

– «Вишенки».

Рене приподняла брови, отвлекаясь от чтения записей ночной смены, и взглянула на своего пациента.

– Что, простите?

– Вы сегодня надели «вишенки», – как ни в чём не бывало продолжил мистер Джошер, а затем указал на её обувь. – Почитал о вас на больничном форуме... Ну и в Сети, конечно. Когда разрешаешь кому-то вскрыть себе череп, лучше знать об этом человеке побольше. Правда?

Он весело хохотнул, не замечая застывшего взгляда Рене.

– Неужели? – медленно произнесла она, хотя не сомневалась, что прозвучит следом.

– Да. Вот и узнал про счастливые «вишенки», а заодно и то, что вы внучка самого Максимилиана Роше. Такая честь! После этого у меня исчезли последние сомнения, ведь у такого гения не может быть...

– Что ж, как вижу, речевые навыки интактны, – торопливо перебила Рене, не желая в очередной раз выслушивать сентенции о бездарностях, яблоках и яблонях, а потом ещё массу стереотипов. Она скованно улыбнулась и отложила планшет. – Область, в которой происходили припадки, располагалась рядом с речевым центром, однако нам с профессором Хэмилтоном удалось иссечь её, не затронув когнитивной активности. Это хорошо.

Она приступила к стандартному осмотру, записывая данные с аппаратуры и поясняя свои действия как-то неожиданно резко замолчавшему пациенту. Мистер Джошер внимательно за ней следил, отвечал на вопросы, но больше не делал попыток заговорить. Только когда наконец был заполнен последний пункт стандартной анкеты, он пошевелился и пожевал губами, словно раздумывал о чём-то. Рене же поднялась, чтобы попрощаться.

– Ещё несколько дней возможны головокружения...

– Правду пишут, что с вашим приходом становится легче, – внезапно заметил он и посмотрел в окно, где уже вовсю разгорался новый день.

– Я всего лишь делаю свою работу, – пожала плечами Рене.

– Все делают, – хмыкнул мистер Джошер. – Одно и то же во всех больницах страны. Протоколы везде одинаковы, но только про вас ходят такие слухи.

– Сплетни, вы хотели сказать, – вздохнула она и подхватила папки с документами.

– Скорее, легенды, – последовала ухмылка.

Рене немного скованно улыбнулась в ответ и досадливо покачала головой. Вот ведь чудак.

– Это обычная психология общения с пациентами. Никакой магии. Об этом ещё писал Бернард Лаун⁵.

Рене пожала плечами, в последний раз напомним, с какой стороны находится кнопка вызова дежурной медсестры, и вышла из палаты.

Ну а дальше день полетел как-то уж слишком быстро. Потратив всё утро на сумбурные отчёты ночной смены и осмотры своих пациентов, Рене всё же успела до обеда сбежать на несколько докладов симпозиума, выслушала ворчание главы отделения и теперь пыталась готовиться к завтрашнему тесту. Но нервный рабочий пейджер то и дело раздражался вибрацией от сообщений, отчего и без того дёрганая Рене постоянно пугалась и сбивалась с текста. Если так пойдёт дальше, завтрашний тест она точно завалит.

– Хватит переживать, – привычно проворчала Энн.

Медсестра стояла рядом и распечатывала бесконечные листы назначений. Она бросила недовольный взгляд на Рене, которая вот уже вторую минуту нервно крутила меж пальцев ручку, и вдруг принялась шарить в кармане своего костюма. Наконец, найдя искомое, Энн протянула крем.

– Держи. Твоя кожа уже похожа на пережёванный коровой папирус. Скоро кисти совсем засохнут и отвалятся. А если покроешься коростами из-за раздражения, то можешь забыть об операционной. Я тебя туда не пушу.

⁵ Бернард Лаун – американский врач-кардиолог, изобретатель дефибриллятора. Знаменит не только своими разработками в области кардиологии, но и принципами обращения с пациентами, основанными на участии и сопереживании. Его опыт изложен в книге «Утерянное искусство врачевания» и показывает, насколько сильно влияют отрицательные эмоции на состояние пациентов и успешность их выздоровления.

Хмыкнув, Рене выдавила на ладонь немного вязкой пахнущей пряной мятой массы и принялась методично втирать её в руки.

– Спасибо, вечно забываю... – начала было она, но в этот момент в комнате что-то сильно задребезжало.

– Что за... – не договорила Энн и замолчала, ошарашенно повернувшись к зазвеневшим окнам.

Те занимали три огромных проёма маленькой ординаторской и открывали вид на парковку перед главным входом больницы. Их пластиковые контуры всегда гарантировали тишину для врачей и пациентов, однако прямо сейчас стёкла в современных герметичных рамах заходились мелкой дрожью. А та перешла сначала с окна на подоконник, а затем пробежала по бетонному полу и ввела в резонанс карандаши на рабочем столе. Сердце Рене на секунду тревожно сжалось в предчувствии землетрясения, но в следующий миг уши неожиданно уловили ритмичный бас, а затем и высокий электронный голос. Тот повторял непонятные, но явно однотипные слова, что сливались в утомительный гул, который приближался откуда-то с улицы и нарастал удивительно быстро.

Молча переглянувшись, Рене и Энн не сговариваясь ринулись к одному из окон. Следом за ними на происходящее решил поглазеть весь оказавшийся в ординаторской персонал, а потому, подобно сгусткам на стенках пробирки, они налипли на подоконники.

Гром, гром!

Гро-гро-гром, гром! – донеслось с улицы, где непонятные звуки всё же сложились в осмысленный текст.

Рене прижалась лбом к прохладному стеклу и посмотрела вниз. Как раз вовремя, потому что источник недопустимого в стенах лечебного учреждения шума наконец-то появился из-за деревьев и по всем законам дурного вкуса оказался несшимся на огромной скорости спортивным автомобилем. Он был огромным и чёрным, а на его капоте светился неведомый значок, скорее всего, такой же вульгарный, как и сама машина. А та, визгливо вырулив на расположенную напротив главного входа парковку, резко затормозила, начертила на гладком асфальте четыре чёрные полосы, а потом медленно подкатила до разделительной разметки. Громкость музыки стала невыносимой.

За спиной Энн кто-то начал ругаться, и Рене обернулась, удивлённо посмотрев, как растёт позади них толпа. Группа любопытных студентов пыталась протиснуться ближе, явно пропустив начало. И без этого впечатляющего вступления не заметить орущий спорткар посреди обычных машин было бы сложно. И не только из-за того, что бешеная машина невоспитанно заняла собой сразу три парковочных места, но и из-за доносившегося через настежь открытые окна:

Гром, почувствуй гром,

*Ударит молния и грянет гром, гром.*⁶

Газанув напоследок явно тюнингованным выхлопом и издав несколько прострелов, отчего у припаркованных рядом автомобилей сработала сигнализация, автомобиль затих, стёкла поднялись, а не различимый издали значок на решётке радиатора потух. В ординаторской повисла ошалелая пауза.

– И что это за шарабан? – спросила в наступившей тишине Энн.

Рене хотела было укоризненно взглянуть на коллегу, для которой, по идее, оскорбление пациентов, какими бы засранцами те ни были, запрещалось медицинской этикой, но не сдержалась и прыснула. Следом за ней засмеялся кто-то ещё, слышались саркастичные коммен-

⁶ Imagine Dragons – Thunder.

тарии... Но все мгновенно затихли, когда водительская дверь агрессивной машины открылась, а под высоким квебекским солнцем появилась мужская фигура.

Человек медленно снял солнцезащитные очки, огляделся, и в этот момент к нему навстречу ринулась толпа журналистов под предводительством главного врача больницы. Замелькали вспышки, потянулись руки с зажатыми в них диктофонами, но гость не пошевелился. С третьего этажа их наблюдательного пункта Рене не видела черт, только общий образ смутьяна, который показался ей неприятным, но она тут же одёрнула себя. Врач должен быть непредвзят. Всегда. Так что она на мгновение зажмурилась, а затем вновь уставилась на незнакомца, чья черноволосая голова поплавром возвышалась над бурным людским морем. От такого сравнения она снова фыркнула, а раздавшиеся за спиной шуточные вопросы доказали, что Рене не одинока.

– Баскетболист, что ли?

– Непохоже. Те вроде помассивнее будут.

– Да что с такого расстояния разглядишь? Может, хоккеист. Приехал лечить застарелые травмы...

– Мрачный какой. И причесался бы... Или это так модно?

– Он явно неадекватен, с таким-то поведением.

Последовали согласное мычание и целый дифференциальный диагноз с версиями от расстройства личности до дерматита.

Голоса звучали ехидно, даже немного зло, что было нехарактерно для коллег – профессионалов своего дела. И Рене задумалась, как одним своим появлением незнакомец умудрился настроить против себя абсолютно всех, не приложив ни малейших усилий и не произнеся ни слова. Что ж, это и впрямь поразительный талант!

Тем временем группа людей внизу обменялась рукопожатиями, а затем двинулась в сторону главного входа. И поскольку одетый полностью в чёрное гость явно не торопился сбавлять своего гигантского шага, Рене со смущением наблюдала, как спешно семенил глава их больницы за слишком пафосным визитёром. А тот не поворачивался, когда к нему обращались, равнодушно смотрел в телефон и всем своим пренебрежительным отношением стремился показать, насколько ему здесь не нравится. В общем, вся ситуация выглядела чертовски неловко. Будто для приехавшего сноба они не больница при старейшем университете Канады, а медицинский офис где-нибудь в Юконе.

Рене поджала губы и отвернулась. Нехорошо было судить о людях вот так, со стороны, не перемолвившись с ними даже парочкой слов. Но этот... экземпляр осознанно нарывался. Так что, поскорее отойдя подальше от окна, чтобы потом не пожалеть о своих не самых добрых мыслях, она подхватила под руку Энн и направилась обратно к столу.

– Тоже мне сыч-переросток, – проворчала медсестра и почти упала в стоявшее рядом кресло.

– Пожалуйста, перестань злословить. Ты же знаешь, я против сплетен, – тихо откликнулась Рене и вновь постаралась сосредоточиться на едва ли заполненном бланке с классификацией грыж желудка. – Это как минимум неэтично.

– Ох, прости, за четыре года никак не запомню, что яд и сарказм не вписываются в твою картину мира, где живут добрые феи и ангелы, – фыркнула медсестра. – Ты очень наивна, Рене.

– Быть может, это так, – вздохнула она. – Но пока человек не доказал обратного, он достоин уважения. Если этот мужчина приехал в больницу, значит, он нуждается в помощи, с достоинством оказывать которую – наша прямая обязанность. Феи и ангелы здесь ни при чём. Ни добрые, ни злые, ни какие-либо ещё.

Энн саркастично подняла рыжую бровь, а пучки на её голове забавно качнулись.

– Так ты хочешь сказать, что прямо сейчас испытываешь уважение к этому выскочке? К тому, кто сначала едва не довёл до подострого состояния наших больных своим появлением,

потом занял половину парковки, испортил асфальт, напрочь проигнорировал главного врача и одним только своим брезгливым взглядом смешал нас с дерьмом? Я всё правильно поняла?

Рене тяжело вздохнула, поправила выбившиеся из светлых кос волнистые пряди и потёрла вновь зачесавшийся шрам. Иногда разговаривать с Энн было невыносимо.

– Ну откуда ты можешь знать про взгляд? – она закатила глаза. – Если видишь с такого расстояния, срочно переводись в радиологию.

– Я это почувствовала. Каждой клеточкой своей любимой печёнки, а ты знаешь, что она не ошибается. И вот сейчас она шепчет мне: парень – засранец! – потусторонним голосом протянула Энн. Ну а Рене всё же отвлеклась со стоном от дурацкого теста и посмотрела на медсестру, которая ехидно закончила: – Будешь спорить с моим даром предчувствия?

– Нет. Я вообще не хочу спорить. Просто пытаюсь объяснить, что не надо судить прямо сейчас. Мы будем полны предубеждений, от которых очень тяжело избавиться при личной встрече. Возможно, его что-то разозлило. Или у него выдался плохой день. Быть может, он действительно глухой, и тогда мы совершаем ошибку, злословя о пациенте. Причины бывают разные...

– Бывают. Например, он Гринч. И вообще, ещё только полдень, – хмыкнула явно чем-то позабавленная Энн. Рене согласно вздохнула.

– Хорошо, допустим, у него выдалось плохое утро. – Ещё одно едкое фырканье, и она не выдержала. – Энн, вот сейчас мы ссоримся из-за человека, которого видели меньше минуты. Ну разве не глупость?

Медсестра на секунду задумалась, а затем резко кивнула.

– И то верно. Засранец недостоин, чтобы его оправдывала наша блаженная Роше. Тебе только дай волю – приютишь всех бездомных и накормишь толпы голодных, – отрезала она и вернулась к своим назначениям.

– Я не это имела в виду, – прошептала раздосадованная Рене, наблюдая, как Энн поднимает телефонную трубку и уже что-то диктует фармацевту. Тихий ответ та, конечно же, не услышала.

На этом разговор закончился сам собой, и в монотонной работе пролетела ещё пара часов. О происшествии с неведомым пациентом и его кричащей машиной вскоре забыли, сосредоточившись на текущих проблемах, и день снова попытался встать на рельсы рутины. Периодически кто-то приносил снизу новости о приехавшей на конференцию группе специалистов из Монреаля, которую возглавлял известный хирург, иногда зачитывались названия чьих-то докладов и показывались сделанные мельком на телефон фотографии, пересказывались обычные слухи и сплетни. А ещё внимания требовали пациенты и их близкие, занимая время стандартными разговорами. В целом жизнь отделения ничем не отличалась от обычного понедельника, кабы не растяжка во всю ширину коридора с эмблемой и названием неожиданного симпозиума. Стоило Рене бросить на неё взгляд, как внутри всё сжималось от нервного ожидания, а шрам чесался с удвоенной силой.

Наконец, ближе к двум часам дня, в больницу приехал доктор Хэмилтон. Чуть подволакивая пострадавшую однажды в аварии ногу, он бодро проковылял по коридору в сторону ординаторской, где оказался немедленно окружён стайкой студентов всех возрастов. Из этой ловушки ему удалось вырваться лишь четверть часа спустя, после чего он наконец-то направился к кабинету. И потребовалось лишь одно его хитрое, известное лишь им двоим подмигивание, чтобы Рене поднялась со своего места.

В маленьком помещении, назвать которое офисом известного нейрохирурга не смог бы даже слепой, было, как всегда, тесно. Здесь пахло бумагой, немного резиной и антисептиком. Наглядные анатомические модели мозга в разрезе, пластиковые внутренние органы и шванновские клетки вместе с прочими элементами периферической нервной системы пылились в шкафах и равномерно покрывались толстым слоем еженедельной периодики. Журналы всех

возможных медицинских издательств устилали поверхности и выстраивались в убогие башни, что пестрели неоновыми закладками, будто флажками. Под самым потолком гнездилась объёмная карта Северной Америки, и Рене каждый раз опасалась, что та рухнет кому-нибудь на голову.

Небрежно кинув на спинку потёртого кресла свой неизменный вязаный кардиган, Чарльз Хэмилтон выглянул в окно, что-то сам себе пробормотал и наконец повернулся, стоило хлопнуть входной двери.

– Ах, вот и Солнце взошло. *Ту-ду-ду-ду*, – пропел он со смешком, когда увидел Рене.

Она хмыкнула и невольно улыбнулась знакомой песенке.

– Доброе утро, доктор Хэмилтон.

– *Отчего такие серьёзные лица?* – не тратя время на приветствие, спросил по-французски профессор.

Рене пожала плечами, а сама пригляделась к наставнику внимательнее. Сегодня он казался слишком уставшим. Всегда задорные голубые глаза будто бы потемнели, морщины у рта стали глубже, а в бороде спряталась напряжённая полуулыбка. С наступлением нового учебного года вернулась обычная нервотрёпка.

– Вовсе нет. Хотела сказать, что у мистера Джошера полностью восстановилась речь, – ответила Рене по-английски.

Так повелось с самого начала сотрудничества: Хэмилтон тренировал свой прононс, а она – никак не дающуюся грамматику неродного для себя языка. Потому всё их общение состояло из невероятной смеси французской и английской речи, на которую уже давно не обращали внимания ни пациенты, ни тем более персонал.

– А это значит, он болтает в два раза больше обычного, компенсируя суточное молчание в палате интенсивной терапии. Слышал его разглагольствования о «магии» твоего присутствия. Право слово, главному врачу следует продавать твою безграничную доброту отдельной услугой, – хохотнул Хэмилтон, хитро глядя на возмущённо засопевшую ученицу. – Пять лет в университете, четыре – в резидентуре, а ты по-прежнему любишь людей. Удивительно!

– Разве это плохо? – отозвалась донельзя растерянная Рене, но Хэмилтон не ответил. Он вчитывался в какую-то лежавшую на столе бумагу. Тем временем шрам снова мерзко заныл.

– Нервничаешь? – неожиданно спросил профессор, и Рене перехватила себя на полпути к тому, чтобы машинально потереть старый рубец. В этот раз он чесался около глаза.

– Разумеется. Особенно тошно стало, когда мы узнали о конференции и наблюдателях из Монреаля.

– А теперь представь, что случилось бы, расскажи я тебе заранее. – Хэмилтон улыбнулся в бороду, опустил в кресло и потёр грудины. – Ты превосходный хирург, Рене. Чуткий и внимательный. Но излишне эмоцио-нальна в работе. Волноваться перед операцией – удел пациентов, но не врача.

– Я понимаю и стараюсь это изменить. – Она нервно переплела тонкие пальцы, которые никогда не знали ни одного украшения или даже лака для ногтей, а затем уставилась на полку, откуда на неё пялилась модель глазного яблока. – Однако у меня было бы время подготовиться...

– Забудь об этом, – фыркнул профессор. – Всё. Учеба закончилась, как и время на дыхательную гимнастику, прежде чем открыть чей-то череп. Тебе осталось два года, которые будешь оперировать наравне со мной. И можешь поверить: избежать мгновенных решений не выйдет.

– Понимаю, – смиренно повторила Рене, чувствуя, как сжимаются внутренности.

Хэмилтон, от которого явно не укрылось волнение подопечной, вздохнул и снова потёр грудины. Откинувшись в кресле, он какое-то время постукивал пальцами по подлокотнику, прежде чем откашлялся. По его лицу было понятно, что прямо сейчас наставник явно разду-

мывал, сказать что-то ещё или хватит уже с неё наставлений. Так что она уселась на свободный, но пыльный стул и невольно посмотрела в окно. Оттуда был виден внутренний двор, где находился ещё один вход для персонала. Заметив не по статусу скромную машину профессора, Рене невольно вспомнила другую. Ту, что до сих пор стояла на центральной парковке и привлекала своим диким видом стайку восторженных подростков. О странном госте все давно позабыли, и в общем-то позабыла даже Рене, просто забавно, насколько по-разному воспринималась известность в Канаде. Чем гениальнее врач, тем выше ценилась здесь незаметность и деликатность. Больница – не место показывать своё превосходство, но если их утренний гость действительно хоккеист или просто спортсмен, то всё, конечно, совершенно иначе.

– Я не просто так затеял эту конференцию, – начал профессор, и Рене вернулась в стены маленького кабинета. Хэмилтон пару раз качнулся на скрипящем кресле, погладил торчащую бороду и поправил тёмный галстук, что змейкой свернулся на появившемся в последнюю пару лет животе. – Хотел показать тебя кое-кому.

Она удивлённо моргнула и нахмурилась.

– Звучит немного подозрительно.

Хэмилтон улыбнулся, а затем резко облокотился на стол и сцепил под подбородком пальцы.

– Пожалуй, тебе не хватает практики неотложных случаев. Оперировать мозг – это прекрасно и очень красиво, но, к сожалению, человек слишком сложен и хрупок. А потому, несмотря на пройденную программу, я хочу, чтобы ты снова отправилась в травматологию. Но теперь уже как хирург, а не студент.

– Можно договориться с главой нашего отделения. Не думаю, что у комиссии по резидентуре возникнут вопросы, – начала было Рене, но замолчала, как только заметила скривившееся лицо профессора.

– Эти оболтусы не покажут тебе ничего нового. Работать в столице провинции прекрасно по финансированию, но невероятно скучно для практикующего врача. Квебек слишком мал. Здесь одно и то же изо дня в день, а тебе нужна большая песочница.

Роше промолчала. Она прекрасно понимала, что такая долгая интерлюдия разыграна не ради попыток убедить её в разумности этого решения, а для самого Хэмилтона.

– Другая больница? – коротко спросила Рене. – А значит, другой наставник?

– Верно. Мой племянник...

Профессор замялся, и Рене прекрасно знала причину. Ту самую, по которой хромал Хэмилтон. Ту самую, по которой едва не погиб лучший из его учеников. И ту единственную, почему эти двое прекратили любое общение. Не сказать, что она была рада оказаться единственной посвящённой в чужую семейную драму, но взаимное уважение, которое перешло в крепкое доверие, вкупе с её патологической манией находить оправдания всем и всему вынудили узнать своего наставника с другой стороны. Довольно некрасивой, слишком личной, впрочем, её секреты вряд ли были получше. И раз Хэмилтон решил с ней поделиться, значит, так нужно. Оставалось лишь не утратить оказанного однажды доверия.

– Так вот, я просил его приехать сегодня, однако он оказался слишком занят. – Профессор откашлялся, что следовало понимать как очередной отказ племянника разговаривать, и Рене тихонько вздохнула. Тем временем Хэмилтон продолжил: – И всё же мне удалось убедить нескольких коллег из Монреаля посмотреть на тебя, а потом шепнуть пару слов в твою пользу. Колин – великолепный хирург. И я говорю это как специализист, а не заинтересованное лицо.

Она не сдержалась и покачала головой: для неё всё совершенно иначе. Из того, что известно, при всей своей гениальности Колин Энган показал себя очень обидчивым человеком. Но Рене была не вправе осуждать его и надеялась, что однажды тот всё же одумается. Дедушка (а в мудрости Максимилиена Роше она не сомневалась) всегда повторял: если кровь позовёт, она вернётся в семью, сколько бы времени ни прошло. Конечно, он имел в виду Рене,

сбежавшую из дома на другой континент. Но разве нельзя принять эту формулу за универсальную? По крайней мере, очень хотелось.

– Я знаю, что ты скажешь, – профессор тепло улыбнулся. – Ты излишне добра ко мне и неоправданно строга к нему...

– Нет. В той аварии не было вашей вины, это просто случайность.

– Всё случилось из-за меня. Я не нашёл нужных слов, а Колин по молодости оказался чрезмерно упрям. Впрочем, как бы то ни было... После него было много учеников, хороших, прилежных. Но только ты дала мне надежду и шанс что-то исправить. Ты очень талантлива, Рене. Это нельзя упускать.

– Поэтому вы хотите, чтобы я стажировалась у него? – Хэмилтон кивнул, а она грустно заметила: – Немного нечестно – пытаться наладить отношения через меня. Вам так не кажется? Не буду ли я причиной, по которой конфликт станет лишь хуже?

– Дело не в отношениях. – Наставник тяжело вздохнул. – Он – лучший. Ты – лучшая. И тебе нужна практика. Вывод напрашивается сам собой, не находишь?

– Но если я правильно поняла... доктор Энгтан отказался?

Профессор на секунду замялся, а затем твёрдо ответил:

– Я смогу его переубедить. Наша ссора тебя не коснётся. Обещаю.

Рене снова нахмурилась, пару раз сцепила и расцепила прохладные пальцы, повертела в руках стетоскоп и тряхнула головой.

– Я всё равно попробую что-нибудь сделать. Вы же семья.

Она пожала плечами, дав понять, что в её системе координат ссоры между родственниками равносильны заболеваниям. А значит, без лечения не обойтись. И Рене уже собиралась высказать свою теорию вслух, но тут Хэмилтон рассмеялся, тяжело поднялся на ноги и подхватил с вешалки халат.

– Не говори глупостей. Твоя задача – набраться опыта, а моя – его обеспечить, – хмыкнул он, потом бросил взгляд на высветившееся в телефоне оповещение. – Зайди к своему пациенту и иди мойся, Вишенка. А я пока поговорю с командой.

Рене скребла руки с такой тщательностью, что на неё начали подозрительно оглядываться. Медленно выдохнув в маску, она ещё раз прошлась щёткой по ногтям, растерла мыло по коже вплоть до локтей и начала смывать. Операционная лупа привычно сдавливала затылок и мерзко натирала открытый участок кожи на лбу, отчего Рене в очередной раз пообещала себе накопить на собственные биноккулярные линзы. Правда, сделать это с её-то зарплатой было огромной проблемой. Просить у родных не хотелось, а потому оставалось только мечтать, что с получением лицензии траты уменьшатся.

Позади послышалось характерное шарканье, хлопнула дверь, и в помещение вошёл доктор Хэмилтон, ведя за собой группу студентов. Из груди Рене вырвался ещё один вздох. На этот раз скорбный. Молодёжь подозрительно косилась на её хирургический костюм и явно ждала объяснений профессора. А тот веселил новоявленных коллег рассказами из своей практики. Рене бросила на него укоризненный взгляд и потянулась за стерильной салфеткой.

– То, что запрещено в операционной, не регламентируется в помывочной, – тихо заметил намыливающий руки Хэмилтон.

– Знаю, но...

– Ты напряжена.

– Сосредоточена, – упрямо склонила голову Рене, когда руки стянуло от антисептика.

– Напряжена и испугана, – с нажимом закончил нелепую перепалку Хэмилтон. – Да, этот пациент впервые полностью твой: от момента попадания в скорую до того, как покинет больницу. Да, решения здесь тоже только твои: план операции, техника выполнения, даже инстру-

ментарий. Да, это большая ответственность, и сегодня я – лишь твой ассистент. Но время пришло. Заканчивай обработку рук и забудь, что здесь есть кто-то кроме тебя и меня.

Рене поджала губы, но кивнула.

– Есть ли какие-нибудь новые детали, которые мне необходимо знать, прежде чем я зайду в операционную? – совершенно иным, сухим и деловым, тоном спросила она.

– Нет. Всё по плану.

Не дожидаясь, пока профессор закончит, Рене толкнула плечом дверь и вошла в просторное помещение, которое встретило привычными звуками. Шумела аппаратура, с щелчками да свистом насос из установки для вентиляции лёгких впрыскивал кислород, раздавались шлепастящие шаги обутых в бахилы сестёр. Они деликатно погромыхивали тележками с инструментами и о чём-то негромко переговаривались. На стене тихо гудел новый большой негатоскоп, увешанный снимками изувеченной правой кисти пациента.

И всё это – каждый вздох, смех, шорох – сливалось в монотонный рабочий гул, из которого острым уколом выделялся равномерный писк кардиомонитора. Звуки кружили по операционной, проникали в уши и вдруг поднимали внутри такую волну эмоций, что та взлетела до самой груди, резанула по шраму и отдалась лёгкой дрожью в кончиках пальцев, напоминая, почему Рене сейчас здесь. А в следующий миг волнение схлынуло, и появилось спокойствие. Пусть наверху, в смотровой, толпились взбудораженные журналисты! Пусть их рты бормотали в свои диктофоны про уникальность, молодость и подозрения на гениальность. Пусть где-то там неведомые судьи решали, достойна ли доктор Роше практики у самого Колина Энгтана. Плевать! В тот момент, когда Рене отточенным жестом вдела руки в перчатки, для неё ничего не осталось – только она сама, операционное поле и ровный звук чужого сердцебиения. Сегодня за дирижёрским пультом доктор Роше будет одна.

– Начинаем.

Голос перекрыл едва слышимые разговоры сестёр с собравшимися около негатоскопа студентами, где те тревожно разглядывали снимки. Рене сделала несколько шагов и встала слева от пациента. Напротив, позицию ассистента занял профессор Хэмилтон, и это словно стало командой. Все на мгновение замерли, казалось, даже затаили дыхание, а потом привычно зашелестели одеждой, разбредаясь по местам в зрительном зале или же прямо на сцене. Здесь каждый наизусть знал свою роль и чёткий порядок задач. Где-то наверху застрекотали камеры... а в динамиках небольшого музыкального центра послышалось шипение.

Музыка всегда звучала во время долгих и утомительных операций, хотя выбор, что именно слушать, зачастую вызывал бурные споры у персонала. Но сегодня все были единодушны, когда голос весело запел о солнце, что наконец вошло после долгой зимы. Поймав удивлённый взгляд наставника, Рене подмигнула и взяла в руки скальпель. Чарльз Хэмилтон души не чаял в музыке «Битлз», а она уважала профессора и прямо сейчас столь своеобразно говорила ему спасибо. Благодарила его за возможность, за знания, за их прекрасную дружбу. Наконец, за поддержку.

За четыре часа песни сменились несколько раз, а потом вовсе зашли на второй круг, но Рене их не слушала. Она была чрезвычайно сосредоточена на кропотливой работе, которую впервые делала сама от начала до конца. Ей было уже всё равно, сколько людей следили за ней из смотровой, фотографировали, обсуждали, были ли там люди из Монреаля... Было некогда думать о таких мелочах. Она открывала доступ, иссекала рубцы и в два стежка ловко сшивала нервные окончания. Рене танцевала инструментами на крошечном пяточке чужой ладони и улыбалась всё шире, пока мешанина травмированных костей и тканей складывалась в заложенный природой строгий порядок.

Это было умопомрачительно сложно. Наверное, лет через пять, когда таких операций в практике Рене будет несколько сотен, она будет спокойна. Сможет шутить, вести праздные разговоры с коллегами. Но сейчас она боялась даже вздохнуть, отдавая короткие команды и парой

стежков сверхтонкой иглой соединяя рваные куски нервов. От напряжения сводило пальцы, от биноклярных линз слезились глаза, и, когда в голове всё-таки мелькнула мысль просить о помощи, перед ней оказалась чья-то рука в измазанной кровью перчатке.

– Всё закончилось. Ты справилась, – раздался голос Чарльза Хэмилтона, и Рене встрепенулась. Она будто вынырнула из толщи воды и ошарашенно хватала через маску стерильный фильтрованный воздух операционной, вглядываясь в идеально проложенные нервные переплетения. – Считай инструменты, дальше я зашью сам. Отдохни.

По-прежнему не совсем понимая, что происходит, Рене завязала последний узел, обрезала шовную нить и отдала зажимы операционной сестре. Словно издалека она смотрела, как обыденно, почти не задумываясь, закрывал рану Хэмилтон и попутно объяснял азы подавшимся вперёд студентам. Его движения были чёткими настолько, что не отклонялись от выверенной годами траектории даже на миллиметр. И когда профессор закончил, сделал шаг назад, вопросительно взглянув на замершую Рене.

– Пациент стабилен. Операция закончена, – проговорила она сипло, а в следующий момент комната наполнилась аплодисментами.

Аккуратно приобняв её за плечи, чтобы лишний раз не испачкать халата, Хэмилтон что-то радостно проговорил, но она не услышала. Заметив сверху движение, Рене подняла голову и вгляделась в полутёмное окно пустой смотровой. Репортёров там уже не было. Их голоса слышались за дверью помывочной, мимо которой возвращались на конференцию монреальские гости. Однако она почти не сомневалась, что в комнате кто-то только что был. Наблюдал ли этот неведомый за операцией или же это лишь санитары заскочили проверить, когда освободится помещение? Но всё было в порядке, она не выбилась из расписания.

Её движение не скрылось от профессора, потому что он так же задрал голову, а потом помрачнел. О чём именно в этот момент подумал наставник, Рене не представляла, но почувствовала, как вокруг возникло напряжение.

– Поговори с родными мистера Джонса, – тихо произнёс доктор Хэмилтон и задумчиво потёр грудь. – Мне надо кое с кем встретиться. Увидимся вечером в ординаторской. Отчитаешься.

– Без проблем, – кивнула Рене, а сама бросила взгляд в сосредоточенные глаза профессора. – Всё в порядке? Мне показалось, что там кто-то был.

– Не показалось, – коротко ответил наставник и направился прочь.

Встреча с родственниками пациента прошла удивительно гладко. И хотя Рене волновалась, рассказывая о ходе операции, тёплые объятия матери Джонса стали лучшей наградой. Потому она посидела с ними ещё немного, обсудила детали восстановления, а затем вернулась в рутину своих ежедневных забот. Доложилась старшему резиденту, получила ряд вопросов и рутинный нагоняй за слишком обстоятельные, а потому долгие ответы, обежала больных, скорректировала дозы и вернулась в ординаторскую, чтобы занести все назначения. Ну а после занялась дневниками и планами лечения. За этим занятием и застала её слегка встревоженная Энн.

– Ты не видела доктора Хэмилтона? – спросила она, а сама нервно оглядела помещение.

Оно было переполнено младшими резидентами, их наставниками и просто врачами, которые отдыхали или занимались своими делами. Здесь былолюдно, душно и стоял низкий гул голосов.

– Нет. – Рене махнула головой и снова вернулась к монитору. – Сама его вот жду. Профессор сказал, что должен с кем-то встретиться.

– Ну, встреча у него точно была, – мрачно ответила Энн, а Рене удивлённо оглянулась.

– Ты как будто этому не рада, – с лёгким смешком заметила она, но вмиг стала серьёзной, когда увидела тревожный взгляд медсестры. – Что-то случилось?

– Точно не знаю, – тихо начала Энн и склонилась прямо к её столу, будто бы заглядывая в монитор и что-то показывая. – Но он с кем-то ругался. Долго. Около часа.

– Откуда ты знаешь? – едва слышно спросила Рене.

– Я несколько раз бегала мимо его кабинета в административное крыло, слышала обрывки. Что-то про Монреаль, бездарность и завышенные требования. Точно было не разобрать, да я и не пыталась.

Рене почувствовала, как от волнения все внутри сжалось.

– Сколько... сколько там было человек? – прошептала она, невидяще глядя в экран.

– Двое. Не больше. Я слышала только второго, он был явно раздражён. Доктор Хэмилтон говорил очень тихо, но голоса всегда были одни и те же.

– Ясно.

Рене на минуту прикрыла глаза и сжала руки. Значила ли что-то эта ссора, был ли там кто-то из той самой монреальской комиссии, никто не знал. Однако, кажется, пришло время самой нанести визит профессору, даже если он накричит.

– Как давно это было?

– Да с полчаса назад. – Энн бросила взгляд на часы. – В половине шестого. Как раз ночная смена пришла.

Не говоря больше ни слова, Рене поднялась, нарочито терпеливо подождала, пока сохранится документ, и вышла в коридор. Путь к кабинету профессора занял привычные тридцать три секунды. И за это время она успела несколько раз отрепетировать речь, с которой собиралась ворваться, скорее всего, в разгар перепалки о собственной судьбе. Доктор Роше не любила ставить людей в неловкое положение, не любила ссор и недопонимания, но ещё больше она не выносила, когда о её промахах высказывались за глаза. Иной причины для неприятного разговора между коллегами Рене просто не находила.

Остановившись перед привычной тёмно-коричневой дверью, она пригладила растрепавшиеся за рабочую смену косы, вздохнула от тщетности усилий и постучала. Аккуратно. Три чётких и сухих удара разнеслись по вечернему коридору, в конце которого ярким закатным светом полыхало единственное окно. Рене затаила дыхание в ожидании голосов или окрика подождать, но в кабинете было тихо. Сжав от волнения губы, она попробовала нажать на дверную ручку, и та с лёгким щелчком поддалась, пустив в освещённый солнцем кабинет.

От яркости бивших в глаза лучей выступили слёзы, и потребовалось несколько минут, чтобы привыкнуть и осмотреться. На первый взгляд здесь было пусто. Но выбивавшиеся из привычной картины детали показывали, что совсем недавно здесь шли ожесточённые споры. Сдвинутые в сторону кресла, смазанная на полках с экспонатами пыль, отброшенный в порыве журнал. Рене цепляла мелочи привычным взглядом хирурга, которым много лет училась замечать малейшие отклонения. И прямо сейчас, когда любой другой развернулся бы и ушёл, она замерла. Немного не так ложился свет из покрытого пылью окна. Почти незаметно, но иначе кривились тени от раскинувшегося во внутреннем двореке жёлтого клёна. Именно поэтому Рене сделала шаг вперёд, затем ещё, а потом со всей силы вдавила тревожную кнопку своего пейджера.

Она действовала совершенно бездумно, на грани автоматизма, когда, обежав большой письменный стол, прижала пальцы к сонной артерии, а в следующий момент уже упиралась основанием сцепленных в замок ладоней в грудную клетку неподвижно лежащего Хэмилтона. Тридцать компрессий и два вдоха. Тридцать и два. Рене знала чёртовы числа, помнила до автоматизма ритм, с которым прогибались внутрь кости грудины, но смотрела на чуть посиневшие губы в колючей всклокоченной бороде и думала: почему это не работает?

За спиной слышались чьи-то торопливые шаги, голоса. Но Рене не обращала внимания, потому что задыхалась от собственной паники и чрезмерных для её щуплого тела усилий. Вокруг поднялась суeta, мелькнули свет фонарика, руки в перчатках, кислородный мешок.

Однако она не отвлекалась и равномерно давила. Когда же под ладонями треснула ткань клетчатой рубашки профессора, обнажив бледную грудь, Рене почувствовала, как что-то дёрнуло её прочь. Некто вцепился в плечи с такой неистовой силой, что протащил почти до самого шкафа, откуда прямо на голову больно посыпались стопки журналов. А затем раздался сухой звук разряда дефибриллятора. Он показался таким деловым, даже нахальным, ворвавшись в уши гарантией жизни. Да что там, сейчас для неё так звучала сама чёртова жизнь. Но тут он засвистел снова, словно взвившаяся в небо петарда, и взорвался ударом, от которого дёрнулось тело. Снова. А затем снова. И ещё раз.

– На каталку его, и ещё эпинефрин! – донёсся крик.

В коридоре загремели колёса и задребезжал блок с переносным кардиомонитором, когда следом раздался новый разряд. Она попыталась встать, но ей не дали. Тогда Рене попробовала оттолкнуть держащего, однако руки не слушались. Казалось, из них разом вытянули все до последней ниточки силы.

– Хватит, Роше. Сейчас ты ему ничем не поможешь, – слышался над головой голос Энн. – У нас в больнице достаточно реаниматологов...

Рене прервалась, вслушиваясь в доносившиеся из коридора голоса, затем натянуто улыбнулась. Она подняла голову и вгляделась в глаза склонившейся к ней медсестры. В этот момент сзади наконец расцепил руки какой-то студент. Оглянувшись, Рене вспомнила, что видела его сегодня в операционной.

– Четыре минуты. Ты спасала его больше четырёх минут. Поверь мне, ничего другого тебе уже сегодня не сделать. Сомневаюсь, что даже вилку сможешь держать, не говоря о скальпеле. А потому ты сейчас успокоишься, сделаешь три глубоких вдоха и встанешь на ноги.

Энн говорила медленно и уверенно, не отводила взгляда и словно вынуждала верить в свои слова. Только тогда Рене почувствовала, как накатывает усталость. Та ударила невидимым шаром под ноги и уронила в огромную вязкую кучу из событий этого дня, где смешались волнение, сложная операция и обычные заботы. После компрессий руки ломило, а к коже на спине противно липла влажная рубашка рабочего хирургического костюма.

– Идём, я принесу тебе кофе.

– Не надо кофе, – наконец-то подала голос Рене. – Мне вставать в начале пятого утром, боюсь, не усну.

– Тогда отправляйся домой. Я позвоню тебе, как будут новости, – начала было Энн, но замолчала, когда её перебил тот самый студент.

– Уверен, это тот парень виноват. Никогда не слышал, чтобы кто-то орал на Хэмилтона.

– Тише, Боб, – отрезала Энн, бросив на разом встрепенувшуюся Рене тревожный взгляд. – Не болтай о том, в чём не уверен!

– Но я уверен...

– Молчи! Не сейчас.

– Нет. – Рене осторожно поднялась, держась за стену. В затёкшие ноги немедленно впились миллиарды иголок. – Что за парень? О чём вы вообще?

– Тёмненький такой. Говорят, он ещё утром появился здесь с громом и молниями. – Студент нервно рассмеялся.

– Откуда знаешь?

– Мы пришли отчитаться, а этот пижон как раз выходил из кабинета. Профессор ещё что-то кричал ему вслед и был настолько зол, что даже слушать нас не захотел и прогнал. Пришлось идти к старшему, а он та ещё задница. Но зато из его окна было видно, как уехал тот самый щёголь. Просто прыгнул в свою дурацкую тачку и ударил по газам. Видимо, тоже был зол. – Парень пожал плечами и тут же засуетился. – Извините, доктор Роше. Вы оставайтесь здесь, а мы с коллегами сходим в реанимацию.

Не говоря больше ни слова, он ловко подскочил на ноги и скрылся за дверью. Ну а в пустом разгромленном кабинете воцарилась неприятная тишина. Наконец Энн пошевелилась.

– Иди домой, Рене, – повторила она со вздохом.

– Я сначала в душ.

Окинув её скептическим взглядом, Энн кивнула.

– Тебе не помешает. – Она хотела сказать что-то ещё, но лишь ободряюще улыбнулась и направилась прочь. Что бы ни случилось, работа отделения не должна останавливаться ни на минуту.

Полчаса спустя, когда Рене бездумно стояла в душевой, что примыкала к раздевалке близ ординаторской, на скамейке завибрировал лежавший там телефон. Выскочив из-под горячих струй, под которыми тщетно пыталась расслабиться, она промокнула руки жёстким больничным полотенцем и схватила смартфон. На экране горело слово «Реанимация». И уже зная, что именно услышит, Рене с трудом нажала кнопку ответа.

– Да?

Послышалось шуршание, и голос в трубке сухо констатировал:

– *Mortuus est*⁷, Роше.

Повисла пауза, долгая, невыносимая, прежде чем она прошептала:

– Время смерти?

– Восемнадцать сорок три, – пришёл механический ответ, и звонок оборвался.

Невидяще глядя куда-то перед собой, Рене медленно опустилась на скамейку и осторожно положила рядом светящийся телефон. Мозг отчаянно пытался не осознавать новости. Будто это был рядовой звонок, глупое напоминание или что-то ещё... Однако реальность упрямо стучалась в голову короткой фразой: *mortuus est*. Она поджала колени к груди, медленно закачалась из стороны в сторону и внезапно подумала, что Энн впервые ошиблась. «Вишенки» подвели. Это утро не обещало сюрпризов, но в один момент вся жизнь словно замерла на самом краю обрыва. Взглянув на потолок, где тусклым рыжим светом горели две лампы, Рене пообещала себе одну вещь. Она найдёт того парня на вычурной тачке. Отыщет даже под землёй и спросит, что же на самом деле произошло.

⁷ Мёртв (*лат.*).

Глава 2

В маленькой комнате на втором этаже было непривычно темно. Сквозь плотную ткань задёрнутых жалюзи впервые не проникало ни одной искры желтоватого света уличных фонарей. Прямо сейчас она показалась бы кошунственно светлой в серо-синих оттенках раннего утра. Слишком яркой для блуждающих теней и избыточно резкой для тишины, где увяз даже шелест дыхания. Только в дешёвых часах едва различимо шуршали чёрные стрелки да где-то в подвале монотонно гудели старые трубы.

Неожиданно на прикроватном столике ярко вспыхнул экран телефона, а следом затрещала глухая вибрация. От этого звука зацепившаяся за комнату ночь всколыхнулась и шарахнулась в сторону от источника света. Однако Рене, вот уже час неподвижно сидящая на краю кровати, даже не вздрогнула. Она протянула руку, выключила заходящийся нервной дрожью будильник и прикрыла саднящие от бессонной ночи глаза. Сегодня не будет весёлых песен по радио, не будет танцев у зеркала, задорных косичек, платьев в цветочек и «вишенок».

Будильник стих, но Рене не смогла заставить себя подняться и продолжила смотреть в темноту. Липкую. Цепкую. Та подбиралась к босым ногам и бледным лодыжкам, прежде чем тонкая рука словно сама по себе резко взметнулась вверх и дёрнула за шнурок маленькой лампы. Электрический свет с треском ворвался в комнату. Что ж, прятаться больше не выйдет.

Она не могла точно сказать, как провела неделю с момента звонка из реанимации. Рене жила, дышала, работала... Проходила назначенные тесты, слушала лекции и даже делала операции, но внутри была пустота. Будто в тот вечер вместе с профессором Хэмилтоном умерла и девчонка, что задорно морщила нос в ответ на безобидные шутки, окружала заботой своих пациентов и вслух читала наставнику присланные откуда-нибудь из Занзибара письма коллег. Теперь всё закончилось. Больше не было того человека, который за несколько лет стал роднее, чем вечно пропадавшие по командировкам родители. Рене осталась одна посреди чужой для себя страны, и ей впервые было так страшно.

Взгляд невольно метнулся к стене, где висело с десяток крошечных акварелей, закрывающих давно выгоревшие на солнце обои. Это была дурость или ребячество, но Роше хранила их с детства. Орхидея, гвоздика и мята, вереск, шиповник и мак... Кто-то чертил на стенах засечки, ну а она рисовала цветы и деревья тех стран, названия которых едва ли можно было разобрать на тусклых почтовых штемпелях. Письма родителей иногда шли месяцами... Разумеется, это было несерьёзно и глупо. Рене понимала и даже подумывала бросить бумагомарательство, но профессор убедил продолжать, и... она продолжала.

Теперь всё это было бессмысленно. Больше не с кем говорить о пропорциях, сравнивать рисунок прожилок на лепестках с картой сосудов и спорить в тысячный раз об оттенках зелёного только лишь потому, что Рене не любила тёмных цветов. Серьёзно, никогда не задумывалась, но даже одежду выбирала какую угодно, лишь бы ярче, светлее да радостнее... А теперь её ждало чёрное платье.

Судорожно втянув воздух, она грубо потёрла шрам и стремительно встала с кровати. В ванной комнате она долго всматривалась в своё отражение, словно пыталась найти там причину умыться. Но вместо этого видела только пятнышки посеребривших веснушек, покрасневшие от недосыпа глаза и воспалённую линию некрасиво сросшейся кожи, что прочертила левую щёку и потерялась за воротом простой белой футболки. Все эти годы шрам был причиной и лучшим напоминанием, почему Рене до сих пор не сдалась. Не подвёл он и теперь.

Чувствуя, как сводит от холода пальцы, она плеснула в лицо водой, потом ещё пару раз, пока кожа не порозовела, а замёрзшие руки не заболели. Хватит! Хватит лить слёзы по тому, чего больше никогда не случится. Нужно довести до конца обучение. Иначе ради чего всё это было?! Рене подняла голову и снова уставилась в зеркало. Она получит лицензию и станет хирургом, но сначала завершит одно дело.

Подойдя к лежащему на кровати платью, Рене прикрыла глаза. Профессор никогда об этом не говорил, но она знала, что все эти годы ему хотелось лишь одного – изменить ночь той аварии. Забрать обратно слова, не совершать тех поступков... Колин Энгтан будет сегодня на похоронах, и нельзя упускать шанс объяснить этому упрямому гордецу, как дорожил им Чарльз Хэмилтон, как восхищался, любил... и как сожалел. Право слово, в смерти нет места старым обидам.

* * *

Кладбище Сен-Грегуар-де-Монморанси располагалось так близко к шоссе, что от летящей оттуда этим дождливым утром водяной пыли не спасал ни ряд высоких деревьев, ни глубокое каменистое русло протекающего неподалёку ручья. Морось была везде, а потому Рене казалось, она дышит ею, пропиталась вплоть до отсыревшего платья и промокших туфель. Под ногами противно чавкала трава, от небольшого котлована, покрытого специальной зелёной тканью, тянуло мокрой землёй и тем запахом безнадёги, что всегда витал в подобных местах. Смотреть в сторону стоящего на опорах гроба не было сил. Рене поёжилась и чуть опустила край большого чёрного зонта, который прямо на выходе из часовни одолжила ей Энн. Собственный ярко-жёлтый был бы здесь неуместен. Впрочем, себя она чувствовала здесь тоже чужой. Лишней. Навязчивой даже на церемонии в церкви, где собрались добрая половина больницы и ещё десяток-другой пациентов. А теперь, когда на погребение осталось не более двадцати самых близких людей, ситуация стала чрезвычайно смущающей. И всё же Рене попросили остаться.

Не зная, что делать дальше, она остановилась чуть поодаль от большой группы, со стороны которой доносились тихие разговоры и деликатный смех. За исключением нескольких известных ещё по университету лиц, Рене не представляла, кто здесь остальные. Но мужчины и женщины были явно отлично знакомы друг с другом и любезно общались с оказавшейся в центре пожилой леди. Именно в ней Рене без труда узнала сестру профессора Хэмилтона. Будучи совсем невысокой, миссис Энгтан даже издали производила впечатление непростой личности. Забранные в замысловатый пучок тёмные волосы, почти всегда поджатые губы, скупые движения рук, массивные, но изысканные украшения, от которых веяло атмосферой кожаных кресел, дорогого янтарного виски и разговоров о высокой политике.

Поняв, что таращиться на незнакомую женщину весьма невежливо, Роше поспешила было отвернуться, но неожиданно встретилась с внимательным взглядом тёмных глаз и замерла. Миссис Энгтан смотрела, едва заметно прищурившись, и ни капли не стеснялась собственного любопытства. На ум пришла неожиданная и оттого дурацкая мысль: что, в отличие от сестры, у профессора Хэмилтона радужка была ярко-синяя. Так странно... Тем временем, осознав, что её заметили, Энгтан вежливо кивнула, и Рене ничего другого не оставалось, кроме как в ответ судорожно дёрнуть головой. Чёрт побери, всё это как-то очень неловко. Сумев

наконец перевести взгляд на валяющийся под ногами осколок надгробия, она медленно выдохнула и прикрыла глаза. Руки сами потянулись к зудевшему шраму, но в последний момент лишь заправили выбившиеся из косы кудрявые пряди. Нет уж! Если так пойдёт и дальше, Рене попросту раздерёт лицо до кровавых корост.

– *Лоб, затылок, темя-два,*

Клин, решётка, два виска,

Челюсть, скулы, нос, сошник... – забормотала она, чтобы успокоиться и выдержать паузу, прежде чем вновь поднять голову.

Когда, по её мнению, прошло достаточно времени, Рене осторожно глянула исподлобья, сощурилась и обвела взглядом равнодушную к ней толпу в поисках одного-единственного человека. В полутёмной церкви оказалось слишкомлюдно, чтобы разглядеть всех собравшихся гостей, но теперь у неё появился шанс. И хотя она понятия не имела, как выглядел Колин Энгтан, отчего-то не сомневалась, что узнает его. А потому, заприметив только что появившегося рядом с миссис Энгтан столь похожего на неё молодого человека – невысокого, улыбчивого, с тёмными кудрявыми прядями, – Рене резко выпрямилась. Кажется, нашла. Это он!

С нарастающим волнением Рене наблюдала, как мужчина то пожимал руки подошедшим коллегам Чарльза Хэмилтона, то что-то тихо говорил по-матерински улыбавшейся ему миссис Энгтан. И когда та ласково потрепала его по предплечью, последние сомнения развеялись. Она решительно вцепилась в ручку тяжёлого зонта и двинулась вперёд.

– *Небо, слёзы, подъязык,*

Челюсть, раковины две,

*И целый, мать твою, череп в голове...*⁸ – бубнила она, а сама пробиралась меж ожидающих погребения людей и старалась не поскользнуться на мокрой траве. Пошатнувшись на очередном липком камне, Рене шумно зашипела: – Ну же, хватит строить из себя трепетную ромашку. Это просто надо сделать. Ничего сложного: подошла, поздоровалась и представилась. А дальше как-нибудь само... наверное...

Однако, когда со стороны входа на кладбище показалась фигура священника, а Энгтан с сыном направились к гробу, она страдальчески вздохнула и ускорила шаг. Вряд ли у неё останется время до церемонии, чтобы поговорить с Колином, но попытаться стоило. Как минимум назвать себя и намекнуть, что было бы неплохо пообщаться после похорон за чашечкой чая. Да, такой исход казался весьма идеальным. А потому, упрямо наклонив голову, Рене постаралась как можно быстрее добраться до мужчины.

Но когда его курчавая голова была уже в паре метров до вежливого покашливания, стоявшая рядом и опиравшаяся на крепкий локоть сына миссис Энгтан повернулась. Очевидно, она услышала вопиющий для этого степенного места слишком уж торопливый шум шагов, потому что удивлённо вскинула брови, а затем нахмурилась. Ну а Рене набрала в лёгкие побольше воздуха и зачастила по-английски:

– Хм... я... Прошу простить меня за беспокойство, миссис Энгтан. Понимаю, моя просьба, возможно, прозвучит прямо сейчас неуместно. Но это действительно важно. Меня зовут Рене Роше, и мне очень нужно поговорить с вашим сыном.

Кислород закончился, и она уже собралась было вдохнуть новую порцию, но в этот момент тот самый кучерявый мужчина медленно повернулся. Он на мгновение растерянно мазнул взглядом по её ничем не примечательной фигурке, а затем вдруг цепко впился в лицо такими же карими, как у матери, глазами. И было в их глубине нечто такое, отчего Роше резко запнулась, едва не закашлялась, а потом и вовсе дёрнулась, стоило ему растянуть чётко очерченный рот в снисходительной усмешке. Шрам словно обожгло изнутри, а рука сама собой взметнулась к щеке в попытке унять жжение.

⁸ Мнемонический стишок для запоминания костей черепа.

Тем временем мужчина аккуратно отпустил руку миссис Энгтан, чтобы небрежным жестом поправить растрёпанные налетевшим ветром тёмные пряди. На запястье блеснули дорогие часы, и Рене вдруг подумала, что, в отличие от племянника, профессор всегда выделялся удивительной скромностью. Здесь же всё, от дорогой ткани костюма до булавки на шейном платке, кричало о вычурности и деньгах. Наверное, в этом не было ничего такого, но Рене инстинктивно сделала шаг назад, тогда как Колин Энгтан ступил вперёд. И не осталось сомнений, он встал именно так, чтобы без каких-либо помех в виде уродливого шрама полюбоваться женским личиком. Идеальный безгливый интерес.

– Мне очень неловко вас беспокоить, – промямлила она и тут же дала себе мысленный подзатыльник, чтобы собрать разбегающиеся мысли. Слова на неродном языке никак не хотели складываться в предложение. – Я...

Рене так и не смогла поднять голову, потому что всем своим телом, каждой клеточкой, нервным окончанием и волоском она чувствовала на себе тяжёлый, приторный мужской взгляд, от которого замутило. И это оказалось так неожиданно. Пришлось срочно признать: Рене представляла Колина Энгтана совершенно иным: более добропорядочным, воспитанным. Ох... Она вцепилась в зонт и упрямо продолжила:

– Мистер Энгтан, я искала вас, чтобы обсудить одну проблему. Не уделите ли вы мне немного времени после церемонии?

Повисла неловкая пауза, а потом...

– Думаю, мистер Энгтан был бы бесконечно счастлив провести с вами целый вечер, *ma douce mademoiselle Rocher*⁹.

Французский этого человека был ужасен. Настолько отвратителен, что возникло ощущение, будто в рот Рене набили с десяток стручков ванили и заставили прожевать. Их сладкий запах никак не вязался с приторной горечью вкуса, но был в этом и плюс. Двусмысленное обращение в конце фразы и интонация, которая оказалась едва ли не тошнотворнее пристально следивших за девушкой глаз, заставили её оторваться от созерцания почти потонувшей в траве обуви и встретиться взглядом со стоящим напротив Энгтаном. Шрам вспыхнул болью, и в этот момент раздалось недовольное цоканье.

– Прошу, Жан, не здесь и не сейчас. – Лиллиан Энгтан скривилась и несильно шлёпнула зажатými в ладони перчатками по локтю мужчины. Тот чуть скосил взгляд, но послушно отступил и с невинной улыбкой уставился в черноту своего зонта.

– Без проблем, – равнодушно отозвался он.

Миссис Энгтан недовольно покачала головой, затем повернулась к Рене, которая ничего не понимала. Вернее, она мгновенно осознала каждый нюанс своей фатальной оплошности, но до последнего отказывалась верить. Итак... его звали Жан. Не Колин. Господи, как стыдно-то!

– Мисс Роше, рада с вами познакомиться. – Лиллиан Энгтан протянула руку, которую Рене пожалала словно в каком-то сне. Боль в шраме немного улеглась, и соображать стало чуть легче. – Чарльз много рассказывал о вас. Сожалею, что в церкви нам так и не удалось поговорить. Увы, мой сын не смог приехать, однако я с радостью побеседую с вами после церемонии. Полагаю, мне известно, о чём пойдёт речь.

Женщина ласково улыбнулась, но в этот момент послышалось ехидное хмыканье:

– Наверняка, как и самому Колину. Потому и не явился.

– Жан!

– Простите, мадам. Я всего лишь выражаю всем известную мысль. – Мужчина зло улыбнулся и вновь посмотрел на ошарашенную Рене – хищно, но с налётом безгливости. – Mon Dieu, у вас такой очаровательный румянец.

⁹ Моя сладкая мисс Роше (*фр.*).

Она, конечно, была совсем не уверена в степени «очаровательности» собственных красных щёк. Уж скорее, там полыхало слово «ПОЗОР». Но нашла в себе силы сконфуженно улыбнуться.

– Ради бога, извините. Я не думала...

– А уж как вы просите прощения... – протянул Жан, перебивая или же, что вероятнее, вовсе не слушаая. – Музыка для ушей.

И снова этот взгляд перебродившей патоки, отчего возникло чувство, будто её не просто раздели, но уже поставили на колени. На виду у всех и прямо в грязную траву. И она почти ощутила прикосновение пальцев на своём подбородке, что повернули лицо «нормальной» стороной. Господи, как же стыдно и мерзко!

– Дюссо, ещё одно слово – и ты отправишься вон. Ваша с Колином студенческая дружба не даёт тебе права распускать язык, – неожиданно холодно процедила миссис Энгтан. Рене встрепенулась, а затем вдруг ощутила, как исчезли тошнота, липкость взгляда, духота фраз и докучливая боль в шраме. Она подняла голову и увидела, как мужчина пожал плечами, а потом отвернулся, будто ничего интересного здесь никогда и не было. – Мы с вами поговорим позже, мисс Роше. А сейчас, думаю, вам лучше вернуться на своё место.

– Да-да, конечно. Простите, – пробормотала Рене, чувствуя в спокойной и ровной интонации намёк на приказ. Боже... как по-дурацки всё получилось. Она опустила взгляд и уже почти повернулась, как почувствовала, что её осторожно схватили за руку.

– Не извиняйтесь. – Улыбка миссис Энгтан оказалась неожиданно деловой, почти протокольной. – Дождитесь меня, и мы поговорим.

Сумев лишь скованно кивнуть, Рене зашагала прочь и всю дорогу уговаривала себя не сорваться на бег.

Как прошло само погребение, запомнилось слабо. Она витала в собственных нерадостных мыслях, плавилась по третьему кругу в чувстве стыда и очнулась только с первым стуком земли о деревянную крышку гроба. Этот глухой звук, раздавшийся одновременно с тихим голосом Пола Маккартни, всё же сорвал щеколду самообладания. Неделю назад Рене присутствовала на вскрытии, видела изношенное до смерти сердце, дряблость сосудов... *«Учитель, вы переживали за нас так сильно, а мы не сумели помочь».*

Она покачала головой и, сама не понимая, забормотала знакомые слова песни, которую часто включал профессор Хэмилтон. Рене шептала их и давилась слезами, пока медленно двигалась в очереди к уже опущенному гробу. Дойдя до затянутого в ткань провала, на секунду замерла, потом опустилась на колени прямо в мокрую траву. Было плевать, насколько уместно выглядел этот жест со стороны, смотрел ли кто-то, осуждал, удивлялся. Прямо сейчас она хорошила единственного близкого здесь человека и просто не знала, как будет без него дальше. Без шуток, остроумия, молчаливого подбадривания, знаний и почти отцовского участия в жизни, в общем-то, чужой для него девчонки.

– Это была длинная и извилистая дорога, профессор, – прошептала Рене и одеревеневшими пальцами взяла ком отсыревшей земли. – По ней вы шли со мной пять лет, а потом бросили так резко и неожиданно. Но я не обижаюсь. Вашим последним желанием было дать мне уверенности и сил, помочь раскрыть крылья и позволить самой опираться на ветер. Что же... оно сбылось. Теперь я могу полагаться только на себя и обещаю, что не подведу. Мне лишь безумно жаль, что, видимо, без таких потерь я бы никогда не справилась. Простите меня, профессор. И покойтесь с миром.

Рене замолчала, посмотрела на зажатую в руке землю, а потом резко поднялась и высыпала её в яму. И этот шелест падающих крупиц она никогда не забудет.

Сделав неловкий шаг назад, Рене споткнулась о чьи-то ноги, сумбурно извинилась и направилась прочь, вряд ли что-то видя перед глазами. А в голове всё вертелась и вертелась мелодия...

*Долгая и извилистая дорога вела меня
к твоей двери.
Она никогда не исчезнет, я уже видел её.
И она привела меня сюда,
К твоей двери...¹⁰*

Последний сингл с последнего альбома провожал в последний путь преданного фаната. Это было символично и как-то правильно. По крайней мере, так искренне считала Рене. Она стояла около подобия оградки кладбища и пыталась отряхнуть от налипшей грязи колени, но, кажется, лишь размазала ту ещё больше. Слез уже не было, только ощущение полного опустошения. Равнодушным взглядом Рене следила, как иссякла чёрная лента очереди, как принимала соболезнования Лиллиан Энгтан и как заметно скучал под зонтом Жан Дюссо. После всей эмоциональной встряски, что произошла за последние полчаса, Рене уже не была уверена ни в его особенном взгляде, ни в своём отношении к случившемуся. Всё отошло куда-то вдаль и затёрлось бесконечной моросью дождя. Да, всё. Кроме застрявшего иглой в мозгу факта, что Колин Энгтан так и не приехал. Возможно, был действительно занят. А возможно, следовало перестать оправдывать незнакомых людей.

Миссис Энгтан освободилась через полчаса, которые продрогшей и промокшей Рене показались доброй половиной вечности. Ёжась под налетавшими с залива ветрами, она прикрывалась от их порывов драматично трепетавшим зонтом и отчаянно упрашивала свой организм ещё немного потерпеть.

– Позвольте? – Энгтан без капли стеснения взяла её под локоть. Видимо, несколько часов на ногах оказались слишком выматывающими для этой почтенной леди. Однако это ни на миллиметр не сгорбило прямую спину и не согнало с лица лёгкое выражение надменности. – Чуть дальше есть закусовая. Мне сказали, там можно согреться кофе, горячим routine¹¹ и спокойно поговорить.

Рене кивнула. Ей в общем-то было всё равно, где вести разговоры – здесь или за чуть липким столиком какой-нибудь бургерной. Она слишком устала и вымоталась за эту неделю, чтобы переживать. Даже хлюпающая в туфлях вода уже почти не волновала. Рене чуть скосила глаза на идущую рядом Лиллиан Энгтан и попробовала её рассмотреть.

Вблизи теперь были отчётливо заметны и намеренно толстой линией подведённые глаза, и чрезмерно покрытая белой пудрой кожа, и картинно обкусанные губы под тёмно-вишнёвой помадой. Возможно, весь образ выглядел наигранно, но Рене не стала об этом задумываться. Вместо этого она вдруг спросила себя: было ли этой женщине неудобно и стыдно за поведение сына? Отпускал ли кто-нибудь сегодня бестактные комментарии или же все сделали вид, что Колина не существует? Наверное, так неправильно думать, но было обидно за профессора Хэмилтона. Он до последнего мечтал объясниться и заслужить прощение, однако даже смерть ничего не исправила. Серьёзно, неужели Колин Энгтан так сильно ненавидел его? А главное – почему?

Рене покачала головой. Это были опасные мысли. Так думать нельзя, если она всё ещё хотела помочь. Поэтому, чтобы хоть как-то отвлечься, Рене устала себе под ноги и при-

¹⁰ The Beatles – The long and winding road.

¹¹ Routine (путин) – квебекское блюдо, состоящее из картофеля фри, молодого рассольного сыра и слегка подслащённой гарнирной подливки. Исторически сложилось в 50-х годах XX века и образовалось от искажённого английского слова «пудинг».

нялась считать лужи, что вели до кафе. Оно находилось всего через несколько сотен метров от кладбища и встретило послеполуденным безлюдьем. Ланч уже закончился, а до вечернего пика ещё оставалась пара часов, потому в зале было полно свободных столиков. С расположенной следом заправки едва заметно тянуло запахом бензина, который странно мешался с ароматом растительного масла и чеснока. На стенах были картины в духе американского pin-up и постеры с фотографиями деталей машин. Рене как раз с любопытством разглядывала одну из них, когда напротив с двумя стаканчиками кофе опустилась миссис Энгтан.

– Колину бы понравилось здесь, – хмыкнула она, посмотрев на снимок чьей-то огромной фары, и, когда Роше удивлённо повернулась, пояснила: – Фастфуд, море горчицы и кетчупа, а ещё повсюду автомобили.

– Ясно, – скупно откликнулась Рене и перевела взгляд на свои пальцы, в которых крутила протянутый ей кофе. Дешёвая бодрость из утрированной крепости.

– Вы голодны? Можем заказать что-нибудь, – деликатно поинтересовалась Энгтан, чей тусклый блеск украшений и дорогое пальто смотрелись здесь инородно.

Рене не была точно уверена, да никогда бы и не подумала пересчитывать чужие канадские доллары, но чувствовала кожей это слегка выпяченное напоказ благополучие. Несмотря на уровень жизни сейчас, детство прошло среди вот таких же людей: богатых, властных и всегда эгоистичных. Потому она не знала точно, к добру ли эта их встреча. Что-то во всём облике сидящей напротив женщины тревожило и вынуждало постоянно возвращаться мыслями к Женеве. Тем временем, не дождавшись ответа, Энгтан напомнила о себе:

– Рене, раздумываете, как соблюсти приличия и при этом съесть огромный бургер? Не волнуйтесь, Колин приучил меня ко всему.

– Нет-нет, вовсе нет. К тому же я не ем подобную... пищу, – спохватилась она и покосилась на фотографию огромного routine в закреплённом на столе держателе. От одного взгляда на жирный картофель Рене почувствовала, как нервно сжалась поджелудочная.

– Разумеется. Чарльз говорил, вы танцуете. – Миссис Энгтан сделала глоток, и, очевидно, только потрясающее воспитание и выпестованная странными пристрастиями сына сила воли не позволили ей тут же выплюнуть напиток обратно. Рене слегка улыбнулась.

– Танцевала.

Она машинально потянулась к шраму, но одёрнула себя. Это, конечно, не укрылось от взгляда Лиллиан Энгтан, однако та ничего не сказала. Лишь предприняла ещё одну смелую попытку распробовать кофейный концентрат, которая опять оказалась тщетной. Возникла пауза, во время которой Рене позволила себя хорошенько рассмотреть, пока сама пыталась собраться с мыслями. Но когда ей наконец показалось, что она нашла нужные слова, миссис Энгтан заговорила первой. И то ли это было простым совпадением, то ли всё читалось на её лице, но сидевшая напротив женщина сухо проговорила:

– Для меня не секрет, о чём вы хотели поговорить с моим сыном, мисс Роше. Тем не менее ради вашего же блага прошу: не вмешивайтесь в это дело. История старая, вы многого не знаете.

– Теперь при всём желании не получится, – грустно улыбнулась Рене. – Такие разговоры требуют определённого времени, места и настроения. И мне отчего-то казалось, что именно сегодня ваш сын смог бы если не понять, то простить...

– Волнуетесь о душе?

– Всего лишь люблю справедливость, – отрицательно покачала головой Рене.

– И не выносите конфликтов. Да-да, Чарльз как-то упоминал.

– Скорее, просто считаю их бессмысленными.

– Даже когда они помогают решить противоречия? – усмехнулась Энгтан.

– Я действительно не люблю ссор. – Рене тихо рассмеялась и подняла руки.

Миссис Энгтан чуть напряжённо улыбнулась в ответ и уставилась на свой стакан с кофе. Крутанув тот пару раз в тонких пальцах, она на секунду поджала губы, а затем с непонятным вызовом взглянула прямо в глаза.

– Думаю, довольно очевидно, что мы здесь не ради обсуждения наших семейных дразг.

– Это действительно не моё дело, – искренне согласилась она.

– У меня есть к вам пара вопросов, которые лучше задать без лишних свидетелей... –

Откашлявшись, женщина неожиданно прохладно улыбнулась и спокойно закончила фразу: – Я хотела спросить, как он ушёл.

И Рене хотела бы найти в этой фразе хоть каплю сожаления или грусти, но всей своей кожей чувствовала, что бесполезно. Лиллиан Энгтан не грустила о своём брате. Она... она не могла сказать, что именно чувствовала сейчас Энгтан.

– Мисс Роше... – напомнила о себе сестра профессора Хэмилтона, когда пауза затянулась. – Я читала результаты вскрытия, у меня есть на руках эпикриз. Но только вы были с ним в последние минуты, прежде чем спасать стало некого. Так... как?

Рене закусила губу. В голове проносились тысячи слов, от формальных «спокойно» до бессмысленных «это было ужасно», однако ни одно из них не могло описать – КАК.

– Когда я пришла, профессор был уже без сознания, – пробормотала она наконец и замолчала, наткнувшись на жадный взгляд.

– А на операции?

Она вдруг поняла, что не знает, чего на самом деле хотела эта женщина, которая чуть наклонилась вперёд и продолжила:

– У вас была совместная операция. Что-то случилось ещё там? Я знаю, после этого его никто не видел, но...

– Это неправда, – перебила Рене, а сидевшая напротив женщина вдруг жутковато улыбнулась. И неожиданно возникло ощущение, будто кто-то попался в ловушку. Рене? Мёртвый профессор? Проводивший вскрытие врач? Или кто-то ещё?

– Медсестра из вашего отделения сказала, что Чарльз отправился в кабинет, где его и нашли.

– Верно, однако профессор был не один. По крайней мере, какое-то время. – Она нервно сцепила и расцепила руки. Боже, как ей не хотелось признаваться, но и лгать не выходило. – К нему пришёл посетитель, и у них вышла нехорошая ссора, которую слышала Энн. Та самая медсестра, что общалась с вами.

– Почему же она не сказала?

– Думаю, не хотела волновать вас. А может, посчитала, что эти события не связаны между собой.

– А вы так не считаете?

Рене покачала головой.

– Я стараюсь не судить людей. Люди ругаются, люди мирятся. Такое происходит ежедневно...

– Но не всегда от этого кто-нибудь умирает, – резонно заметила миссис Энгтан.

– Да.

– Так всё же что думаете именно вы? Говорят, вы талантливый врач.

Доктор Роше дёргано улыбнулась. Вот и всё... ловушка была для неё.

– Я не могу дать вам нужный ответ, миссис Энгтан, потому что являлась предметом того самого спора.

– Поясните.

– Профессор Хэмилтон хотел отправить меня в Монреаль на стажировку. Чтобы заручиться согласием больницы, он организовал конференцию и... демонстрационную операцию.

К сожалению, мне не удалось произвести достаточного эффекта на нужного человека, о чём тот сообщил моему наставнику в весьма грубой форме.

Услышав последнее, Энгтан скептически хмыкнула и подняла тонкую светлую бровь.

– Любопытно. И как же звали этого привереду? Специалистов уровня моего брата считанное количество... – Однако, заметив виноватое выражение на лице Рене, прервалась, а затем досадливо цокнула. – Хотя бы как он выглядел? Что, тоже нет?

– Высокий, темноволосый. Если честно, его машина запомнилась нам куда больше. – Рене смущённо отвела взгляд.

Повисла короткая пауза, во время которой миссис Энгтан даже перестала вертеть в пальцах стаканчик с остывшим кофе, а затем вкрадчиво переспросила:

– Машина?

– Да. Такие всегда привлекают внимание, даже если в них ничего не понимаешь. К тому же её появление вышло слишком уж громким для нашего тихого городка. Разумеется, это вызвало у всех повышенное любопытство. Здесь, в Квебек-сити, таких и не сыскать... – проворчала Рене и задумчиво добавила: – Да и некуда на них ездить.

– Вот как. Значит, скандальный специалист – любитель громкой музыки, – словно обращаясь к самой себе, сказала Энгтан. И вновь тёмно-вишнёвые губы чуть жутковато растянулись.

– Я не говорила, но вы угадали. У нас даже стёкла дрожали.

– Вот как... – снова задумчиво произнесла женщина, потом откинулась на спинку пластикового стула и поднесла к лицу руку.

Она осторожно провела по подбородку кончиками пальцев, потёрла переносицу, и Рене могла ошибаться, но, похоже, это была попытка скрыть выражение откровенного самодовольства. Неожиданно Лиллиан Энгтан вскинула взгляд и уставилась прямо в глаза не ожидавшей такого девушке, прежде чем откровенно фальшиво улыбнулась.

– Последний вопрос, мисс Роше, и я вас отпускаю.

– *Je vous écoute*¹², – тихо проговорила она, от внезапности сбиваясь на привычный французский.

– К кому именно на стажировку собирался отправить вас Чарльз?

Взгляд миссис Энгтан был неимоверно тяжёлым, столь же плотным, как отсыревшая земля, как намокший под дождем плащ, как... Господи! Рене отчего-то нервно сглотнула, прежде чем произнести враз пересохшими губами шесть слов.

– К Колину Энгтану. К вашему сыну.

* * *

Рене сидела за столом в ординаторской и машинально раскачивала и без того расшатанный стул. Вперёд-назад. Вперёд-назад. Её взгляд бездумно следил, как мерцал на экране портал для резидентов. Голубыми конвертами там светились пятнадцать заявок в больницы провинции, и по прошлому опыту она уже знала, что впереди её ждут изматывающие недели бесконечных интервью. На них тщательнейшим образом проверяют её теоретические знания, зачитают *curriculum vitae* и едва ли не по буквам разберут скопившиеся за десять лет публикации в научных журналах. А после всего останется только ждать и надеяться, что её не сошлют куда-нибудь на отшиб Тадусака. Несмотря на полученный вид на жительство, Рене была чужой для этой страны. Она вздохнула и снова качнулась на стуле.

Спустя несколько дней после похорон отделение нейрохирургии жило в привычном темпе, не в силах хотя бы на минутку остановиться и отдышаться. Кто-то куда-то спешил,

¹² Я вас слушаю (фр.).

кто-то что-то зубрил или же с криками обсуждал, наставники ругались на резидентов, резиденты спорили между собой: кто виноват и что стоило делать. Из динамиков то и дело доносилось привычное информирование про «код синий» где-нибудь в неотложке, после чего сразу слышался топот. Крутанувшись в кресле, Рене замерла и упёрлась взглядом в светло-зелёный костюм операционной сестры.

– Разговор может подождать до конца обеда? – вяло спросила Рене и кивнула в сторону почти нетронутого контейнера с едой, пока сама накручивала на палец прядь белокурых волос.

– Ты всё равно не ешь, – пожала плечами Энн.

– Жду, пока выветрится аромат твоих тюрингских колбасок.

– Вообще-то, франкфуртских! – возмутилась медсестра, а затем принялась и скривилась: – Фу! Что за дрянь?

– Цветная капуста с приправой из франкфуртских колбасок недельной давности, – всё так же равнодушно откликнулась Рене, но Энн не слушала.

– Ты бы хоть кленовым сиропом её полила. Иначе же невозможно! Кошмарная гадость. – Она скривилась, вызвав ответный длинный вздох. Кажется, ждать до конца положенного обеденного перерыва медсестра не собиралась.

– Чего ты хотела?

Рене выпрямилась и наконец посмотрела на недовольно хмурую рыжеволосую подругу. Та бросила последний скептический взгляд в сторону ни в чём не повинной еды, а затем демонстративно шлёпнула по столу объёмной папкой.

– Из университета прислали документы на подпись. Как я поняла, твоя резидентура в нашей больнице закончилась.

– Документы? – Рене непонимающе уставилась на внушительную стопку листов. – В смысле? Ещё не было ни одного интервью или хотя бы приглашения. Да и программа молчит.

Она махнула рукой в сторону по-прежнему равнодушно мелькающих голубых конвертов. Система подбора новой больницы начиналась только после всех собеседований, месяца эдак через два.

– Было или нет, им из твоего университета виднее. Конверт прислали с курьером пятнадцать минут назад, так что, похоже, тебя куда-то срочно переводят.

Энн развела руками и присела рядом на краешек стола. Ну а Рене потянулась за первым листком, где обнаружила информационное письмо, обязывающее явиться к директору резидентуры Квебека. Ого!

– Странно, – задумчиво пробормотала она, а сама провела кончиком пальца по тиснённой золотом эмблеме кафедры медицины. – Тебе так не кажется?

Медсестра задумчиво почесала нос и поправила привычные хвостики.

– Ничего не происходит просто так, – наставительно начала она и с важным видом скрестила на груди руки. – И в такой поспешности с резидентурой я чувствую подкрадывающуюся удачу. Думаю, Роше, ты вытянула джокер.

– В прошлый раз твоё чутьё подвело, – тихо пробормотала она, посмотрев на свои «вишенки». Энн проследила за её взглядом и вздохнула.

– Чья-то аура оказалась сильнее твоего врачебного дара спасения, – так же негромко ответила медсестра, и обе знали, кем был этот «кто-то». – Но для того ты и учишься, чтобы однажды его победить.

Рене посмотрела в голубые и чистые глаза Энни, рассмеялась и покачала головой.

– Боже, не верю, что веду разговоры о потусторонних силах.

– Не надо, – отрезала подруга, и улыбка на лице Рене превратилась в вымученную. – Интуиция меня никогда не подводит. Профессор Хэмилтон умер, когда твоя смена закончилась, значит, «вишенки» справились. Так что, поверь, тебя ждёт нечто грандиозное.

Ничего на это не ответив, Рене поднялась и захлопнула крышку контейнера. В глазах предательски защипало, но она спокойно убрала еду в холодильник и вернулась, чтобы сложить бумаги. Продолжать дискуссию на тему третьих сил, которые то и дело мерещились медсестре, не было настроения. Однако стоило Рене схватить злополучную папку, как плеча осторожно коснулись.

– Нам тоже его не хватает, – прошептала Энни. – Как будет не хватать и тебя. Иди, солнышко. Пришло время взойти в новом месте.

Рене порывисто обняла подругу и молча направилась прочь, возможно, в последний раз дарить заботу своим пациентам.

Глава резидентуры Джонатан Филдс вызывал у всех выпускников медицинских школ нервный трепет. Властный вершитель судеб. Почти кукловод, который дёргает за ниточки и собирает по всем уголкам огромной провинции самых перспективных врачей. Он помогает, консультирует и одним лишь скептическим взглядом мутных голубых глаз ставит слишком амбициозных юнцов на место. Филдс избирателен. Проработав полвека в лучших больницах Америки и Канады, он с полуслова отличает будущую уникальность от штампованного среднего профессионала и вцепляется своими мелкими, острыми зубами. Рене запомнила его как высокого, скупого на слова человека, чей кабинет кардинально отличается от всего кампуса в целом и тревожит одним только видом. Здесь словно застыл девятнадцатый век. Красное дерево книжных шкафов, вишнёвого цвета огромный письменный стол, тёмно-красный ковёр и портьеры. Идеальное пристанище для готической сказочной нежити. Рене поёжилась, но переступила порог этого склепа.

Обычно комиссия для собеседования состоит из пяти человек, которые своими вопросами доводят до седых волос паникующих резидентов. Однако сегодня здесь не было никого, кроме Филдса. Рене втянула густой запах сандала и ароматического воска для полировки дерева и едва не чихнула. Господи, да кто же в третьем тысячелетии ещё пользуется настолько дремучей смесью?!

*Vissi d'arte, vissi d'amore,
Non feci mai male ad anima viva!*¹³

В уши тут же ударили треск старой пластинки и объёмный голос оперной дивы прошлого века.

– Добрый день, месье Филдс. – Она прикрыла за собой дверь и замерла.

Нервно стиснув зубы, дабы те стучали не так громко, Рене зачем-то одёрнула белое вязаное платье и запоздало обеспокоилась, что выглядит несерьёзно. Не так, как следует врачу её лет и опыта. Наверное... Ох!

Филдс тем временем тяжело поднялся во весь свой тощий и шестообразный рост, ленивым движением длинного пальца снял с пластинки иглу, и в кабинете стало тихо. Какое-то время директор возился с проигрывателем, прежде чем взял со стола стопку бумаг и приглашающе махнул на одно из кожаных кресел. Лишь чудом не споткнувшись о злополучный ковёр, Рене уселась и вдруг поняла, что тонет. Нет, даже не так. Она почувствовала, как её пожирает монстром на четырёх ножках и с двумя огромными подлокотниками, который не оставил ни единого шанса выбраться из его пасти без потери чести, достоинства и пары конечностей. Вцепившись в твёрдый край побелевшими пальцами, Рене огромным усилием сдвинулась на самый уголок и опасно замерла. Освободившееся от её веса кресло издало отвратительный

¹³ Живя искусством и любовью, Я не причинила вреда ни одной живой душе! (*итал.*)

звук спущенного колеса. Во имя всего святого, за что?! Она почувствовала, как краснеет вместе со своими веснушками.

– Мадемуазель Роше, – кивнул Филдс и изящно опустил в заботливо подставленные лапы прирученного чудовища. Закинув ногу на ногу, директор департамента резидентуры соединил кончики узловатых пальцев и взглянул на лежавшие перед ним бумаги. – Не думал, что встретимся вновь, но печальные события решили по-своему.

Последовала формальная улыбка, которая на пергаментной коже этой административной реликвии наверняка означала высшую степень сочувствия, после чего его лицо приняло стандартное безразличное выражение.

– Я полагала, у нас состоится интервью, – осторожно заметила Рене и огляделась. Но нет, кабинет был по-прежнему пуст.

– За окном сентябрь, а все опросы прошли ещё в марте, – небрежно отмахнулся Филдс. – Однако ваша ситуация требует немедленных решений, если вы, конечно, не хотите ждать до следующего года.

– Нет.

– Я так и думал. – Он отбил носком ботинка несколько тактов только что стихшей арии, пока вчитывался в документы, а Рене опять расправила невидимые складки на юбке. Она начала было перебирать кромку подола, но руки сами бросили вязаную ткань и потянулись к назойливо зудящему шраму. Заметив это, Филдс откашлялся и продолжил. – Скажите, мадемуазель Роше... почему вы выбрали нейрохиргию?

– Это моя мечта. Я влюблена в человеческий организм, и работать с ним на таком уровне сравни вызову, – кротко ответила она и едва заметно улыбнулась в ответ на удивлённо вскинутые брови директора.

– Значит, любите решать сложные задачки. – Глава резидентуры нацепил очки, затем неожиданно наклонился вперёд, отчего Рене нервно дёрнулась. – Я прав?

– В медицине не бывает простых задач... – она замялась.

– Верно-верно.

Филдс снова откинулся в кресле, задумчиво перебирая бумаги у себя на коленях. А Рене вдруг поняла, что это её досье. Каждый запрототолированный шаг, записанный ответ, пройденный тест и сделанная операция. Всё – от момента её поступления до... возможно, до нынешнего дня.

– *Каков ваш уровень английского?* – последовал неожиданный вопрос на языке британской короны.

– *С учётом того, что мы во французской Канаде, – приемлемый,* – немного резко откликнулась Рене, также меняя диалект, и тут же смутилась. – Простите, я нервничаю. Английский – не мой родной язык, но профессор Хэмилтон называл его более чем достаточным. Последние годы мы общались с ним по-английски.

– Что ж, это прекрасно, – чему-то обрадовался Филдс.

Правда, радость эта выглядела весьма устрашающе на обтянутом кожей черепе, но Роше тут же стало стыдно за свои мысли. Директор же не виноват, что у неё настолько живое воображение, а слухи о его персоне с каждым годом обрастают новыми зловещими подробностями. Как только не называли этого мужчину. И «ссохшийся вурдалак» среди них считалось самым приличным «именем».

– Могу я узнать, почему вас заинтересовало моё владение вторым языком? В прошлое интервью у нас с вами были другие вопросы.

– Не только можете, но и должны. – Филдс острозубо улыбнулся. – На вас поступила заявка в системе. К сожалению, мой коллега никак не успевал приехать, чтобы поговорить с вами лично, и потому доверил это мне.

Повисла тишина, во время которой директор с фальшивым участием смотрел на растерянную Рене, а та пыталась найти в его словах подвох.

– На вас положила глаз больница общего профиля в Монреале, – ровно произнёс Филдс. – Им нужен старший резидент...

– Но я перехожу лишь на пятый год обучения, а эту должность занимают исключительно выпускники, – торопливо перебила Рене, испуганная тем, что могла произойти досадная ошибка, но осеклась, когда глава резидентуры договорил:

– Вас ждут в отделении общей хирургии. А там, как известно, учатся на год меньше, чем у вас в неврологии.

«Вас ждут в отделении общей хирургии...»

– Что... простите? – Рене не верила. Это точно ошибка! Программа определённо дала где-то сбой!

– На вашей кандидатуре настаивали, несмотря на иной профиль специализации. И, боюсь, у вас нет вариантов.

– Подождите... Вы собеседуете со мной для другой специальности?

– Совершенно верно, мисс Роше.

– Но разве это возможно?

Она ничего не понимала.

– Ваш случай, увы, не вписывается в стандартные протоколы, так что нам приходится... – Филдс взмахнул сухой рукой в поисках ораторского вдохновения. – Нам приходится импровизировать.

Рене сглотнула, а затем в упор посмотрела в мутную синеву глаз.

– В стране перевелись нейрохирургические центры и закончились специалисты? – тихо спросила она и облизнула сухие губы, одурев от собственной наглости. Никогда! Никогда в жизни Рене не позволяла себе такого тона, но сейчас не могла иначе. Она, чёрт побери, шла к своей мечте десять лет! – Я не понимаю. На каком основании?! Даже неотложная помощь ближе к моей специализации, чем чьи-то аппендиксы или грыжи!

– *Следите за своей речью*, – процедил Филдс и снова перешёл на французский, – чтобы не пожалеть.

Она вздрогнула и сжалась в огромном кресле. Рене была не готова к таким новостям.

– У меня слишком мало опыта в общей хирургии, тем более для старшего резидента, – наконец спокойно произнесла она. – Это ответственность, к которой...

– К которой вы не готовы? Если знаете, когда будете, то сообщите, – с насмешкой закончил за неё Филдс. И снова эта отвратительная тишина с тяжёлым запахом сандала и воска. Наконец Рене взяла себя в руки.

– Мистер Филдс, вы же понимаете, что вся моя практика проходила в совершенно иной области?

Директор зашуршал бумагами, поправил очки и принялся зачитывать.

– Шестьдесят часов на четвёртом курсе в отделении неотложной помощи, из которых вы оперировали суммарно двадцать семь. Три ротации во время резидентуры с отделением травматологии, что больше, чем у любого из ваших коллег. – Он остановился и стянул очки. – Мисс Роше, обозначу ситуацию более ясно. На данный момент мест нет. Все вакансии заняты ещё в апреле, и чудо, что нашлась хотя бы одна. Потому путей у вас немного: принять предложение или ждать до марта. Но сразу предупреждаю: вы теряете непрерывную практику, а значит, два года учёбы – врачам без лицензии запрещено выходить к операционному столу после такого перерыва. Так что если вас и возьмут, то только резидентом второго года.

– Это всё равно что начать заново в обоих случаях, – прошептала Рене.

– Да. Только если в первом варианте вы получите лицензию уже в июне, а выбрав другой... – Филдс развёл руками, – года через четыре.

– Но я уже отучилась столько же. Мне оставалось немного!

– Именно поэтому я взял на себя обязанность предложить вам сменить специальность. – Неожиданно глава резидентуры прервался, потёр глаза и как-то совсем уж устало вздохнул. – Мисс Роше... Рене. Верьте моему опыту: вы попадёте к лучшему из специалистов. Он в стране всего несколько лет, но уже стал легендой среди ургентной хирургии. Да, понимаю, это обидно и горько – заниматься не тем, к чему тянуло с самого начала. Но потом вы сможете пройти ускоренную программу по нейрохирургии, посетить какие угодно курсы... *Mon Dieu*, сделать абсолютно всё, но с лицензией на руках. С билетом в мир самостоятельной медицины. Возможно, я позволяю себе лишнее, но вы выпускница моего факультета. И я, моя гордость... что там, весь Квебек и, уверен, профессор Хэмилтон не хотели бы терять такие руки, как у вас.

– И всё же вы их отдаёте.

– Нет. Я дарю их Канаде, – негромко откликнулся Филдс и протянул небольшой файл с документами. – Вот ваш договор. Есть буквально пара дней, чтобы ознакомиться с ним и принять решение.

Она молчала и не шевелилась, не сводя взгляда с папки. Казалось, в ней крылся тот самый пресловутый пограничный шлагбаум, эдакая колючая проволока, за которой минное поле и десяток собак. Однако Рене протянула руку.

– Я шла к своей мечте десять лет. Осознанно и по очень личным причинам, – тихо произнесла она, не забирая, но и не отпуская чёртовы документы. – Десять лет, которые, если соглашусь, окажутся бесполезными.

– В медицине не бывает ничего бесполезного, – откликнулся Филдс, и впервые за всё это время Рене увидела в его глазах неподдельное сочувствие. – Как нет ничего лишнего, ненужного или неважного. Медицина – это тысяча мелочей, которые бог знает когда пригодятся. Но в тот единственный нужный момент вы поблагодарите, что знали всё это. Вам двадцать три, вы непозволительно молоды, но зато впереди целая жизнь, чтобы выучить всё на свете.

Она крепче ухватила за документы, и руки сами потянули на себя файл. У Рене не было ни одной причины не верить доктору Филдсу. Но почему-то казалось, что она падает на дно знаменитого водопада Монморанси, где ждали совершенно иная программа, чужой город и незнакомый наставник. Господи, будет чудом, если резидент Роше не расшибётся.

*Vissi d'arte...*¹⁴

Рене положила бумаги на колени и бросила беглый взгляд на первый из документов. Что ж... согласно пригласительному письму, заведующий отделением общей хирургии доктор Энтони К. Ланг оказывал поистине фантастическую честь, принимая под крыло выпавшего из гнезда кукушонка Рене Роше, и был готов наделить великой мудростью под чутким руководством главного врача – Лиллиан Энгтан. Шумно втянув сандаловый воздух, Рене прикрыла глаза. Вот оно как. Спасательный круг для тонущего водолаза. Похоже, ей действительно следовало быть благодарной.

Как только за спиной захлопнулась тяжёлая дверь, в кармане зазвонил телефон. Кашлянув пару раз, чтобы как можно скорее избавиться от душного дурмана красной комнаты, она не глядя нажала кнопку ответа и машинально пробормотала:

– *Bonjour*.

– *Bonjour, ma petite cerise...*¹⁵

¹⁴ *Vissi d'arte* – ария Тоски из оперы «Тоска».

¹⁵ Привет, моя маленькая вишенка (*фр.*).

Голос Максимильена Роше принёс с собой ветер с французских гор и плеск женеvского озера.

Глава 3

Дедушка звонил не так часто, как ему, наверное, хотелось бы. С его перегруженным расписанием всегда находились дела более срочные, первостепенные. Однако он первым поздравлял с праздниками, раз в месяц звонил в выходные, но... но на этом, пожалуй, всё. Да, их отношения давно были на том этапе, когда, закончив разговор месяц назад, они могли легко продолжить его в следующий раз. Но Рене всё равно хотелось бы слышать знакомый голос почаще. Они никогда не боялись показаться друг другу навязчивыми, для них не стояло проблемы часовых поясов. Единственной причиной – ни разу не озвученной, но отнюдь не тайной – было чувство вины, засевавшее внутри господина Роше и за столько лет уже неискоренимое. Вины за неудачное родительство сына, за собственную вечную занятость, за Рене.

– Как ты? – Короткий вопрос вынудил вздрогнуть, а затем шумно втянуть осенний воздух с привкусом прелой листвы. – Грустно вздыхаешь.

Она печально усмехнулась. Даже через десять лет и за тысячи миль дедушка по-прежнему знал, что с его Вишенкой что-то не так. Неожиданно пришла мысль: «А поняли бы родители?» – но в следующий момент Рене покачала головой. У них всегда было чересчур много забот.

– Я в норме, – ровно проговорила она. Не хотелось понапрасну беспокоить дедушку, потому что какой в этом толк, если ничего не изменится: ни в карьере, ни в жизни, ни в системе обучения Канады? Да и мертвецов этим она уж точно не воскресит. Так что Рене вздохнула и продолжила: – Было непростое утро, но ничего интерес...

– Ты в больнице? – перебил скупой на эмоции голос. Дедушка относился к тем людям, чьи фразы становились тем суше, чем сильнее внутри бурлило волнение. Она улыбнулась.

– Никто из моих пациентов не умер, если ты об этом. По крайней мере, Энн бы сообщила. Я ездила в университет по учёбе. Надо было решить... один вопрос. – Улыбка из искренней незаметно перешла в вымученную, а потом и вовсе увяла. Да уж, решила.

– Как прошли похороны?

Вопрос был невинным, но Рене почувствовала, что ей надо присесть. Эмоции наконец-то прорвались в ошеломлённый мозг, и руки начали подрагивать. А потому она подошла к ближайшей скамейке и опустилась на нагретое сентябрьским солнцем сиденье. И видимо, молчала так долго, что в динамике послышалось деликатное покашливание, а затем шелест бумаг.

– Рене, я тебя отвлекаю?

– Нет, всё в порядке. Искала... – Она прервалась, пытаясь подобрать слова, но потом не выдержала и тихо пробормотала: – Неважно. Знаешь, это оказалось слишком тяжело. Я... я не ожидала, что будет так.

– Тебе стоило позвонить мне, – мягко пожурил родной голос, и она усмехнулась.

– Чтобы ты выслушивал мои многочасовые всхлипы? – ласково спросила Рене.

– Если вдруг позабыла, то это я бинтовал тебе пальцы между выступлениями, пока ты лила безудержные слёзы в обиду на пачку, пуанты и паркет, – хмыкнул Максимильен Роше и тут же осёкся. Обычно он старался не напоминать о той жизни, в Женеве, но слова улетели раньше, чем их успели поймать. Так что дедушка снова откашлялся и нарочито небрежно закончил: – Вряд ли меня уже что-то испугает.

Несмотря на тон, в его голосе чувствовался лёгкий упрёк. Едва различимая обида на молчание и на то, что не поделила с ним своей боли. А ведь дедушка ждал именно этого. Потому что, несмотря на почти отеческую ревность к Хэмилтону, он был ему благодарен. Так что Рене действительно следовало позвонить, и она даже не раз порывалась, но...

– Тебе нездоровится последние месяцы. Не хотела волновать. Если с тобой что-то случится... я не выдержу второго раза.

Она замолчала, снова вспомнив распростёртое тело, безликий голос из реанимации и стук влажной земли о крышку гроба. Mortuus est. Не-е-ет. Нет-нет-нет.

– Прошёл почти месяц, – после недолгой паузы негромко заметил Роше.

– Но легче не стало.

– И не будет, Вишенка. Люди приходят в нашу жизнь и уходят из неё. Кто-то забирает кусочек побольше, кому-то ничего не достаётся, ну а есть те, с которыми уходит, кажется, вся душа.

– Если ты пытался таким своеобразным образом меня утешить, то вышло не очень, – фыркнула она, а сама отчаянно заморгала.

– Это всего лишь наблюдения старика. Дарить тебе утешение – это редкостный каламбур, милая.

Дедушка замолчал, послышались вздох и новый шорох бумаг, и в памяти Рене тут же всплыли десятки моментов, когда вот так же, углубляясь в документы, Роше давал себе время обдумать решение. Сейчас он очень хотел помочь, но, кажется, понял, что девочка выросла и отныне ей придётся справляться самой. Так что шелест не смолкал ещё какое-то время, прежде чем Максимильен Роше откашлялся, а затем тихо заметил:

– Ты не нуждаешься в глупых словах, только в твёрдой земле под ногами, чтобы и дальше любить этот мир. Именно поэтому я ждал твоего звонка. Хотел помочь встать обратно, но ты, похоже, справилась сама. – Последовало новое неловкое покашливание. – Знаешь, на самом деле я рад, что вы подружились с Чарльзом. Хоть он был тем ещё упрямым засранцем...

– Дедушка!

– Да-да, пусть мы каждый раз едва не дрались с ним на банкетах после конференций, однако учитель из него вышел отличный. Боюсь, второго такого тебе не найти. Впрочем, уверен, что со всем присущим ему занудством Хэмилтон успел вложить в тебя минимум на две учёные степени...

– Кстати... – Рене попробовала встрять в монолог, но безрезультатно.

– Ах, давно хотел сказать, что тебе пришла пора защищаться. Обсуди это со своим новым руководителем, и через пару лет вполне можно подать на рождественский стол двух подстреленных зайцев – лицензию и...

– Я уйду из нейрохирургии. – Рене произнесла это быстро, но чётко, отчаянно желая прервать неудобный разговор о теперь уже несбыточных планах, и зажмурилась, когда на другом континенте наступила тревожная тишина.

Разумеется, новость следовало сообщить по-другому. Любыми другими словами, а не так, как только что поступили с самой Рене. Но факты сказаны, а мгновения, чтобы попробовать хоть как-то их объяснить, бездарно упущены. Так что теперь оставалось лишь вслушиваться в лёгкий треск помех, который всё длился... длился... и длился. Но когда где-то вдалеке три раза ударили башенные часы, в телефоне наконец прозвучал вопрос, и его тон заставил

вздрыгнуть. Иногда за чувством заботы и воспоминаниями легко было забыть, какой властью обладал Максимильен Роше. Но такие мгновения напоминали об этом с отрезвляющей ясностью:

– Куда?

– Монреаль, – вздохнула она. – Общая хирургия.

– Это абсурд, – отрезал Роше. – На каких основаниях?

– Наша программа резидентуры предусматривает заполнение всех вакантных мест и...

– Они хотят сказать, что во второй по величине стране мира не нашлось ни одной свободной должности для нейрохирурга? Так?! – медленно и вкрадчиво перебил он, а Рене зажмурилась.

– Да.

– Ни одного местечка, чёрт возьми, для лучшей ученицы грёбаного Хэмилтона, на которого они там молятся всем континентом?

– Дело не в том, лучшая я или нет! Здесь все равны.

– Враньё! – раздался разгневанный вопль. – Я лично разберусь с этим. Министр здравоохранения задолжал мне парочку объяснений...

Динамик взорвался сухим надсадным кашлем, и Рене медленно выдохнула.

– Прошу тебя, не вмешивайся. Сейчас сентябрь, – принялась терпеливо объяснять она, как только в динамике утихли хрипы, – а подбор и ротация заканчиваются в марте, поэтому чудо, что мне вообще нашли место. Конечно, я могла подождать, но доктор Филдс сказал, главное – получить лицензию. Потом я уже смогу пройти нужную специализацию.

– Ну разумеется, он так сказал... – устало отозвался Роше, а затем послышался стук стеклянного стакана о деревянную столешницу. – Я понятия не имею, кто такой Филдс, не знаю о ваших программах и правилах, но обязательно это выясню.

– Не надо!

– Не перебивай! – Глава Красного Креста резко оборвал попытку сопротивления. – Выясню хотя бы потому, что уверен в одном: тебя обманули. Нагло сыграли на твоей молодости и на том, какая ты!

– Не оговаривай людей, которых, сам признался, не знаешь. – Рене почувствовала, как внутренности скручивает спазм отчаяния. Она не хотела ругаться! Не сейчас. Не с ним. Она нервно вцепилась в белокурую косу, перебирая волнистые пряди. – Меня позвала сестра профессора Хэмилтона. И это был акт доброты, а не подлости! Мы говорили с ней после похорон и...

– Ах, так там ещё эта ведьма! – едко протянул Роше. – Поди, и скандальный сынок её где-то рядом. Гнилая семейка.

– Дедушка, я прошу! Прошу, перестань, – взмолилась Рене. – Это семья моего учителя – плохая или нет, не нам судить. Да и никому из ныне живущих!

Максимильен Роше ничего не сказал на это.

– Куда тебя переводят? – последовал сухой вопрос, и стало очевидно, что каждый решил остаться при своём мнении. Однако любви оказалось достаточно, дабы прекратить неприятный разговор.

– Больница общего профиля в Монреале, – после небольшой заминки отозвалась она, с трудом расшифровав аббревиатуру под эмблемой университета.

– Господи, а ведь ты действительно считаешь это «актом доброй воли», – зло хохотнул Роше.

– Люди проявили ко мне участие, почему я должна подозревать их в теориях всемирного заговора?

– Да потому что не представляешь, куда тебя ссылают! – попробовал опять закричать он, но вовремя остановился и продолжил уже намного спокойнее: – Общий профиль больницы

– это горячая точка... передовая... эпицентр кризиса и напряжения. В таких местах врачи выгорают быстрее, чем успевают сказать «зашиваем».

– У меня нет других вариантов. Поэтому, пожалуйста, не надо никому звонить, ничего спрашивать, угрожать или, не дай бог, ставить условия. Об этом тут же узнают, а я не хочу сплетен. Мне это не нужно.

Последовала небольшая заминка, а потом в трубке прошелестел голос:

– Хорошо, *ma petite cerise*.

Рене вдруг подумала, что слишком слаба и малодушна. Кто-то другой на её месте наверняка бы бился до последнего, не побрезговал дёрнуть за все возможные ниточки, чтобы открыть дорогу к мечте. Но она не такая. С самого детства Рене убегала от скандалов и конфликтов, а ещё – от тех людей и мест, что будили в ней недобрые и злые мысли. Каждая из них будто разрушала её изнутри, выкручивала руки и толкала под колени, вынуждая совершать ошибки, которым она не могла найти оправдания. Именно так случилось с Женевой, то же самое происходило прямо сейчас, когда всё вокруг напоминало о незнакомце на громком автомобиле. С каждым днём Рене всё отчётливее понимала, что готова возненавидеть его и тем самым провалиться в самоуничтожение. Наверное, именно это и стало причиной, почему она так легко смирилась с Монреалем. Ведь глупо обманываться: решение было принято ещё в жуткой комнате Филдса.

– Помни: ты всегда можешь вернуться домой, – проговорил дедушка и со вздохом добавил: – Но ведь не станешь.

– Не стану, – с мягкой улыбкой ответила Рене. – Всё будет так, как есть. Я поеду в Монреаль, а там посмотрим.

* * *

Неделя прошла в лихорадочных сборах. Занеся после телефонного разговора подписанные документы, она получила в ответ холодную улыбку Филдса и срок в десять дней, чтобы закончить дела в здешней больнице. Слишком мало по меркам Энн, которая любезно помогла с упаковкой вещей, и слишком много для Рене, что рвалась прочь из ставшего враз тесным города. Она здесь задыхалась. Шагала по узким улочкам старой крепости и больше не смотрела на башенки «Шато-Фронтенак», проходила мимо больницы и стремилась как можно скорее оказаться внутри, чтобы в нервном ожидании отсчитывать часы до окончания смены.

Прощание с отделением тоже вышло каким-то скомканным и натянутым, словно Рене уже была не с ними, а на острове Монреаль. Ей пытались сочувствовать, кто-то громко жаловался на несправедливость системы, но она лишь улыбалась и пожимала плечами. Всё будет к лучшему.

– Герберу свою заberi, – привычно проворчала Энн. Подруга стояла в раздевалке, прислонившись плечом к одному из шкафчиков, и с утрированным интересом наблюдала, как Рене запиховала в картонную коробку те самые тапочки с вишенками. – Это чудовище едва выживало, пока ты моталась по конференциям. А уж с твоим отъездом совсем подохнет. Жалко же.

– С ней просто надо разговаривать, – рассмеялась она. Вообще-то, Роше даже не думала забирать с собой старый цветок, что скривился от нелёгкой жизни среди вечно занятых врачей, но теперь засомневалась.

– Ещё песенки предложи спеть. – Медсестра закатила глаза, а потом фыркнула, заметив смущённый румянец Рене. – Господи, Роше, ты точно диснеевская принцесса: сама доброта, кротость, и зверюшки на заливистые триоли прибегают. Того и гляди, из-под хирургического костюма вылетит стая птичек. Я надеялась, что за четыре года успела вложить в тебя хоть пару граммов цинизма, но куда там!

– Читала одно исследование, в котором описывался положительный эффект... бесед, – буркнула Рене, а сама покраснела ещё сильнее.

– Где? В «Ведьмовском еженедельнике» или в «Актуальных проблемах современного принцессеведения»? – Энн всплеснула руками. – Рене, это цветок. Просто дурацкий, привередливый зелёный хмырь, который цветёт раз в десяток лет, по особо значимым праздникам Британского Содружества. А значит, никогда!

– В прошлом месяце цвёл, – осторожно заметила Рене.

– Это всё твоя живая вода, или чем ты там его поливаешь.

– Так и быть, я оставлю тебе рецепт.

– Лучше забери уродца, – хмыкнула Энн. – Нет, я серьёзно. Погибнет же.

– Господи, да куда я его дену? – не выдержала Рене. Вынырнув из металлического шкафа-чик, она укоризненно посмотрела на подругу. – Моя новая квартира размером со спичечный коробок, если верить описанию и фотографиям. – Энн удивлённо подняла брови, и Рене со вздохом созналась: – На что хватило денег.

– Всё так плохо? – медсестра опустилась рядом на скамью.

– Ну... – Рене замаялась. – Две тысячи красивых канадских долларов, чтобы сдать промежуточные тесты, столько же потратила на бесполезные заявки в системе, сам переезд...

– И оплата резидентуры, – тихо закончила Энн. – Дерьмово, Роше. Спросить о служебном жилье ты, конечно же, не подумала, а кланчить у своего великого и ужасного деда не хочешь. Даже не знаю, как ты там справишься без меня.

– Сначала поживу в той квартирке, потом что-нибудь придумаю. Она не плохая, просто... – Рене споткнулась, подбирая слова, но Энн перебила:

– Просто отстойная.

Рене лишь вздохнула.

– Мне будет тебя не хватать, глупая ты добрячка, – сумбурно пробормотала подруга, затем резко шагнула вперёд и до треска в рёбрах стиснула в объятиях.

Рене ничего не ответила, только шмыгнула носом и понадеялась, что это будут последние слёзы. Честное слово, всё не настолько уж плохо, чтобы лить их столь часто.

Ну а девятого дня, зажав в одной руке чемодан с самым необходимым, а другой подхватив горшок с ярко-жёлтой герберой, она сошла с поезда на Центральном вокзале. Толчею, что царил в бесконечных подземных переходах огромного здания, куда один за другим прибывали составы, Рене преодолела почти без происшествий. Лишь пару раз заплутала в коридорах расположенного под землёй торгового центра, но кричащие крупным шрифтом указатели быстро вернули на правильный путь, который привёл на поверхность. Так что ровно в полдень она вместе с деловито переговаривающейся толпой вывалилась под серое монреальское небо и упёрлась взглядом в такие же серые камни высоток.

Стеклянные и не очень, большие и пониже, стройные свечки и многоярусные монстры, чьи верхушки терялись в быстро пролетающих облаках, казалось, были повсюду. Неподалёку притиснулся какой-то собор с позеленевшей от времени крышей, впереди усердно сигналили скучающие в пробке машины, а позади гудел старый порт Монреаля. И Рене, что стояла посреди этого великолепия цивилизации, отчаянно улыбалась. Она восхищённо вертела головой, вдыхала аромат кофе и выпечки из расположенного через дорогу «Старбакса» и точно знала, что полюбит этот город, такой непохожий на тихий старый Квебек.

Однако долго предаваться радости и умиротворению, конечно же, ей не дали. Получив заслуженный тычок в плечо от спешащего по делам мужчины в костюме, Рене наконец-то пришла в себя, потёрла надоедливо зудящий шрам и отступила к краю дороги. Найти телефон в кармане плаща отчего-то оказалось непросто. В какой-то момент даже почудилось, что тот остался на столике поезда и придётся вновь продираться сквозь встречный поток, чтобы попасть на подземную станцию, но скользкий проказник всё же нырнул во взмокшую от волнения ладонь.

Сверившись с картой, Рене тяжело вздохнула и поудобнее перехватила увесистый цветок. Если верить маршруту на карте, то где-то неподалёку находилась её больница, а вот дом... Она ещё раз уменьшила масштаб на экране телефона и поджала губы. Три пересадки и полтора часа в душных автобусах по пробкам, а ещё... А ещё так будет каждый день. Прикрыв глаза, Рене попыталась даже в этом найти хоть что-то хорошее, например у неё будет возможность рассмотреть город. К тому же потерпеть надо лишь год – до весны, когда она сдаст все экзамены и получит лицензию. А уж если совсем повезёт, то найдёт другое жильё.

Так что, приободрённая натянуто-радостными мыслями, Рене уже было шагнула в сторону запримеченной автобусной остановки, как в следующий момент что-то больно ударило в бок, садануло по локтю и выбило злополучную герберу из рук. Горшок с хрустом упал на асфальт мостовой, а уши заложило от рокота мотора. В последний момент, прежде чем пошатнуться, она успела увидеть мелькнувшую впереди чёрную молнию мотоцикла, затем раздался визг тормозов, ну а она едва успела схватиться за фонарный столб.

– Вот же... – Сиплое ругательство лишь чудом не вырвалось изо рта, пока ладони сами ощупывали пострадавшие рёбра. Судя по всему, синяк обещал выйти ошеломительным. Тем временем взгляд упал на рассыпавшуюся землю и поломанные листья, отчего сам собой вырвался стон. – Вот же... И что мне теперь с тобой делать?

Цветок, естественно, не ответил, да и с чего бы вдруг. Всё ещё держась за пострадавший бок, она осторожно присела перед устроенным беспорядком и вздрогнула от неожиданности, когда заметила внезапно склонившуюся рядом чёрную фигуру. От неловкого движения Рене пошатнулась и непременно упала бы прямо в рассыпанную землю, но чья-то рука в перчатке оказалась быстрее, рывком схватив за плечо. О господи... Похоже, к вечеру она вся покроется синяками. И всё же Рене промолчала. Растерянно моргнув, она уставилась сначала на возникшие прямо перед ней ботинки со странной подошвой, потом на обтянутые кожей мотоэкипировки колени и немного пугающие жёсткие ребра доспеха. Затем взгляд упал на затемнённое стекло такого же чёрного шлема, стоило мужчине – что было очевидно хотя бы по росту, не говоря уже о впившихся в несчастную руку пальцах, – опуститься рядом на корточки. Раздался щелчок поднятого визора, и Рене совершенно неприлично, откровенно невоспитанно уставилась в тёмные глаза, внимательно рассматривающие её с головы до испачканного подола белого платья в цветочек. А то вполне успешно подметало собой пыль мостовой.

На какое-то мгновение ей подумалось, что у парня запущенная анемия, настолько бледным и восковидным показался открытый участок кожи. Словно он был одним из вампиров Джармуша. Но потом первый за это хмурое утро солнечный луч скользнул по улице и перебрался на лицо незнакомца, вспыхнув янтарным цветом радужки и тёмным лимбом, ну а Рене

поняла, что ошиблась. Видимо, прошедшим летом этот гонщик просто ни разу не выходил в мир людей без своего защитного обмундирования. От этой мысли она улыбнулась, а незнакомец нахмурился, отчего заметные надбровные дуги нависли ещё сильнее над враз потемневшими глазами, откуда исчезло всё золото.

– Мисс, с вами всё в порядке? – вопрос прозвучал по-английски. И, похоже, её странная радость вызвала искреннее недоумение, потому что даже в приглушённом шлеме голос слышалась обеспокоенность. – Дышать больно? Попробуйте покашлять. Мне нужно убедиться, что у вас...

– Всё хорошо, – перебила Рене, убрала бесконечно лезшие в глаза светлые пряди и улыбнулась ещё шире. – Рёбра целы.

Незнакомец внимательно, даже чуть настороженно посмотрел ей в глаза, затем перевёл взгляд на руку, которой она по-прежнему держалась за пострадавший бок, и вздохнул.

– Позвольте мне всё же лично убедиться. Переломы одного или пары рёбер не критичны и вполне срастаются сами, но хотелось бы исключить осложнения.

Его акцент был забавным, непохожим ни на один из слышанных Рене ранее. Американский? Да, наверное. Что-то ближе к Калифорнии, отчего из каждой гласной веяло солёными брызгами гигантских волн с побережья для сёрфинга. Любитель скорости и экстрима? Пожалуй. И тогда вовсе не удивительно, что вдали от родной стихии он выбрал самое близкое по выбросу адреналина – мотоцикл.

– А вы, похоже, знаете об этих травмах немало, – хмыкнула Рене и осторожно поднялась. Мужчина же немедленно протянул руку, на которую она с благодарностью оперлась. Нет, перелома не было точно, а вот ушиба избежать не удалось.

– Можно сказать и так, – пробормотал тем временем мотоциклист, пока Рене расстёгивала плащ.

Откинув одну полу, она повернулась ушибленным боком и скосила глаза на стоящую рядом с ней неожиданно высоченную фигуру. Ух ты! Да это целый небоскрёб в отдельно взятой человеческой единице. Интересно, как же он с таким ростом помещается на своём байке? Рене хотела было оглянуться в поисках источника сегодняшних проблем, но тут послышался характерный звук расцепляемой манжетной липучки.

Одна из перчаток отправилась прочь, и на вялом осеннем солнце предстала широкая ладонь с длинными пальцами. Та оказалась столь же бледной, как и лицо, отчего едва удалось сдержать идиотский смешок – ну точно нежить в городе! – однако оторвать взгляд не вышло. Не получилось даже зажмуриться! А потому, как бы она ни пыталась остановиться, всё равно пялилась на лёгкие скользящие движения, которыми незнакомец начал пальпацию. Довольно профессиональную, следовало заметить.

– Часто падаете? – спросила она, чтобы хоть как-то абстрагироваться от совершенно неуместных ассоциаций. Вампиры... Пф-ф. Господи, ну что за дура?

– Нет, – всё так же сосредоточенно ответил мужчина и неожиданно хмыкнул. – Но другие явно не столь удачливы.

Рене не была уверена, что правильно истолковала странную фразу. С одной стороны, конечно, в среде любителей погонять на двухколёсных машинах для суицидников травмы считались обычным делом, как и помощь друг другу. Но с другой – было что-то в его интонации. Некая мелочь или полутон превосходства. Но значило ли это, что парень считал себя более удачливым в плане травм? Очевидно, нет. Сегодняшний случай тому подтверждение. Скорее, его вообще не беспокоила возможность самоубийства. Он воспринимал данную вероятность... как должное? Выходило, что так. От этой мысли Рене напряглась, и это не скрылось от пальцев, которые как раз аккуратно надавливали на место ушиба.

– Больно?

Только сейчас она заметила, что незнакомец так и не снял своего шлема. Кажется, ему вообще не требовались глаза, и он улавливал все нюансы по одному лишь едва ощутимому отклику. Любопытно.

– Вам не мешает? – спросила Рене вместо ответа и махнула рукой в сторону головы.

– Ощутить крепитацию¹⁶ может даже слепой, – ровно проговорил, безусловно, странный малый, а затем с нажимом повторил вопрос: – Больно?

– Немного. И часто вы так наезжаете на людей или только по вторникам? – Рене хотела сказать это лёгким, весёлым тоном и хоть немного разрядить слишком уж серьёзную обстановку, но вышло почему-то наоборот. Взгляд карих глаз на секунду словно прошил до мозга, отчего улыбка сама сползла с её лица, а затем вернулся к многострадальным рёбрам.

– Нет, – последовал сухой ответ, и длинная, точно река Святого Лаврентия, пауза. Наконец мужчина снизошёл до злого продолжения. – Это вышло случайно. Объезжал бесконечный в этом проклятом городе ямочный ремонт и не рассчитал манёвр.

Он кивнул в сторону дороги, где оранжевой змейкой меж мелких выбоин в асфальте действительно протянулся с десятков конусов.

– Извините, – пробормотала Рене.

– За что? – Карие глаза демонстративно закатились, а мотоциклист перестал ощупывать бок и сделал шаг назад, скрестив на груди руки. – Если на то пошло, вам уже давно следовало бы вызвать полицию.

– Зачем?

– Я вас едва не сбил! – рыкнул он, словно общался с идиоткой. А Рене лишь пожала плечами. Право слово, она не видела в случившемся проблемы.

– Но не сбили же. Просто задели.

– Это всё равно считается дорожным происшествием. – Кажется, ещё немного – и помощь придётся оказывать уже этому пациенту. Неврологическую. Ибо терпением, как и все мотоциклисты, этот человек явно не отличался. Тем временем незнакомец уже достал телефон. – Давайте действовать по правилам. Я виновен и готов понести наказание...

– Но у меня нет к вам претензий, – перебила его Рене, а затем искренне улыбнулась. – Вы же сами сказали, что это случайность. А у меня нет ни одной причины вам не верить. Со мной же всё в порядке?

– Да.

– Значит, конфликт исчерпан, – поставила она окончательную точку. – Спасибо за помощь и простите, что задержала.

В знак раскаяния Рене слегка склонила голову и вновь повернулась к рассыпанной на мостовой земле, пытаясь решить, как поступить дальше. За спиной послышался шумный выдох, после чего наступило молчание. Наклонившись, она быстро подобрала черепки горшка, выбросила их в ближайший мусорный бак и осторожно присела рядом с цветком.

Первой мыслью было донести бедную герберу прямо в руках, но Рене немедленно отмела эту идею. Чемодан, автобус, белое платье и целый час дороги плохо сочетались с поломанным стеблем. Возможно, стоило найти прочный пакет или что-то вроде того... Но где его взять посреди дороги? Разве что поискать в том же мусоре. Ну и, конечно, она даже не подумала, что можно было вслед за осколками отправить и растение в бак.

– Встаньте. Вы пачкаете платье, – раздался уже знакомый голос с нотками если не вселенской, то всегалактической усталости точно, и Рене оглянулась.

Так и не представившийся незнакомец уже успел надеть обратно перчатку и теперь стоял совсем рядом, небрежно перекатывая между ладоней большой картонный стакан. Неожиданно мужчина резким, но очень метким движением выплеснул из него остатки чьей-то газировки

¹⁶ Характерное ощущение «хруста» сломанных костей.

прямо на близлежащий газон, наклонился, легко подхватил злополучный цветок, чтобы нарочито аккуратно засунуть в импровизированный горшок, затем с хмыканьем припечатал сверху парой комьев влажной земли.

– Voilà, – буркнул мотоциклист таким тоном, словно факт добровольной, а не вынужденной помощи, кажется, вызвал у него острый приступ зубной боли.

– Я... Ох, огромное вам спасибо, – радостно начала она, но её прервали.

Подхватив валявшийся неподалёку чемодан с такой лёгкостью, точно это была корзинка с вязанием, спаситель цветов продолжил:

– Вам следует знать, что раз в конфликте участвуют две стороны, то умаление прав на извинение одной из них будет для неё весьма унижительным. Тем самым своим великодушием вы лишь провоцируете усугубление чувства вины вместо решения проблемы. Весьма эгоистично, не находите?

– Что? – Рене удивлённо захлопала глазами, а потом поднялась и попробовала забрать из его рук злосчастный цветок. Наверное, они странно смотрелись рядом друг с другом – полностью чёрное и совершенно белое.

– *Нельзя всегда получать то, чего хочешь*¹⁷, – напевно процитировал странный парень, прежде чем отпустил герберу. – Нельзя всегда оставаться святой, даже если считаете, будто несёте исключительное добро. Это утопия.

– Но у меня и в мыслях не было...

Рене захлопнула рот, стоило мужчине повернуться и впиться в неё раздражённым взглядом. Солнечный луч в попытке успокоить снова скользнул по чёрному шлему, подсветив будто бы изнутри золотом радужку, и мотоциклист покачал головой.

– Только это вас и оправдывает, – пробормотал он неожиданно, а затем махнул рукой, чтобы позвать показавшееся за перекрёстком такси.

– Похоже, вы привыкли к беспрекословной правоте.

– В моей работе споры часто заканчиваются плачевно, – пришёл тихий ответ, а Рене удивлённо воззрилась на возвышающуюся рядом фигуру.

Господи, какой странный тип! Что внутренне, что внешне... Эти длинные ноги... эти длинные руки, которые тот скрестил на груди, будто хотел казаться чуть меньше, разворот плеч шириной минимум в две Рене и огромные ступни в таких же огромных ботинках! Всё это очень плохо сочеталось с отточенностью, даже скупостью движений. Рене нахмурилась. Обычно такие люди размахивали конечностями, словно мельницы, не в состоянии совладать с данным природой телом. Но этот был не такой. Сжатый, собранный, будто в любой момент готовая взвиться в воздух стрела. И словами он бил не для того, чтобы ранить, а сразу убить. Непонятный. Сложный. Хорошо, что они больше не встретятся.

– Присматриваете себе мотоэкипировку? – неожиданно бросил он, не повернув головы. – Могу подсказать адрес хорошего магазина.

Рене вспыхнула и мгновенно отвела взгляд, прижимая крепче многострадальный цветок. Действительно, так разглядывать людей было очень... очень невоспитанно. Тем временем напротив остановился жёлтый «форд», щёлкнул замок багажника, и перед носом Рене открылась пассажирская дверь.

– Куда вас отвезти? – послышался приглушённый шлемом вопрос.

– Монреаль-Нор. Перекрёсток Эбер и Жан, – немного смущённо пробормотала она и встретила с удивлённым взглядом вновь золотистых глаз.

– Дайте угадаю, – медленно начал горе-мотоциклист, – вы собирались тащиться туда на автобусе?

– Ну да. – Рене пожала плечами. – А что?

¹⁷ The Rolling Stones – You can't always get what you want.

Ответа не последовало. Только тёмные брови сошлись на переносице, а после незнакомец повернулся к водителю, сажающемуся в машину.

– Проследите, чтобы мисс и её цветок в целости добрались до дома. И помогите с вещами. – Хрустнули передаваемые купюры, из-за чего Рене хотела было уже возмутиться, но тут перед лицом очутилась чёрная маска с опущенным стеклом визора, и слова исчезли сами собой. Оценив её понятливость, мужчина кивнул. – Так-то лучше.

– Спасибо за помощь. – Сдержать порыв благодарности не вышло. – И извините, что задержала.

Последовала пауза, а затем тихая фраза:

– Меньше, чем могли бы, согласившись вызвать полицию.

И опять возникло ощущение солёного ветра. Но тут хлопнула дверь, с треском завёлся мотор, и в зеркало заднего вида Рене с непонятым волнением увидела, как с рёвом исчез мотоцикл в глубине улиц. Так стремительно, будто сюда в любой момент могли нагрянуть стражи правопорядка. Станный... очень странный тип. Врач? Медбрат? Или просто опытный водитель и сёрфер? Она вдруг спохватилась, что даже имени его не спросила! Впрочем, он тоже не озабочился чем-то подобным...

Рене вновь задумчиво посмотрела в зеркало и вздрогнула, заметив там любопытный взгляд водителя. Она немедленно уставилась на уже чуть поникшую от стресса герберу и вдруг снова почувствовала это. Впервые, как разбила горшок; впервые, как встретилась с незнакомцем и завела с ним разговор. Шрам! Он вспыхнул знакомым зудом, хотя молчал на протяжении всей странной встречи, словно его не существовало. Будто от лба до плеча не тянулась кривая линия сросшейся кожи, что при каждом удобном и не очень моменте напоминала о себе колким жжением. Это было так странно... Неужели тот странный парень его не заметил?.. Нет, невозможно! Тогда счёл чем-то незначимым? Или же, наоборот, принял как данность? Как мы принимаем глаза, нос и брови, сотни родинок или веснушек? Бог его знает... Рене вздохнула. Жаль. Очень жаль, что она никогда не узнает ответ.

А такси всё углублялось в переплетение улиц и подземных тоннелей, и чем мельче становились за спиной высоты делового центра и длиннее ленточные домики спальных районов, тем отчётливее становилось понимание, что со своим везением мадемуазель Роше умудрилась выбрать самый неблагополучный квартал в самом безопасном мегаполисе Канады.

Её новый дом располагался на пересечении двух магистралей (о чём, вообще-то, хозяин мог бы предупредить), и стоило жёлтой машине свернуть с автотрассы, как мимо потянулись промзоны. Потом те сменились на испещрённые ржавыми потёками домишки, которые чередовались со вполне приличными особняками, однако следом на глаза попадались перевёрнутые мусорные баки, остовы старых пикапов и довольно хмурые лица идущих по своим делам горожан. А потом машина остановилась на каком-то грязном углу, не удосужившись даже припарковаться, и заглушила мотор.

В этот час улицы были пусты. С двух трасс доносился грохот проезжающих автопоездов, стук колёс о стыки моста, а где-то слева лязгали инструменты в двигателе ржавого тягача. Тот стоял прямоком на давным-давно развороченном газоне и, кажется, вытряхнул всё своё масляное содержимое на украшенный выбоинами асфальт. Именно в этих грязных внутренностях сейчас копался толстый пожилой механик.

Рене вышла из машины и огляделась. Что же, никакого сравнения с тихим старым Квебеком. Но это ведь к лучшему? Она вновь осмотрелась и успела в последний миг отступить, когда мимо прошуршала пустая упаковка из-под сухой лапши, следом раздался небрежный стук чемодана.

– *Bonne chance, mademoiselle*¹⁸, – пробормотал водитель, затем вскочил обратно в машину и, оставив после себя следы пробуксовки, унёсся прочь. Ну вот и проводил.

По скрипучей деревянной лестнице Рене поднималась со всей осторожностью, но всё равно зацепилась за давно отпавшую решётку ограды. Та, скорее всего, должна была стать непреодолимой преградой на пути вора, однако болталась лишь на одном торчащем гвозде и могла защитить разве что от особо глупых ежей. Перехватив поудобнее стакан с герберой, она отцепила грязный подол некогда белого платья, расправила складки плаща и нажала на дверной звонок. В ответ – тишина. Попробовав ещё разок, Рене поняла, что тот попросту неисправен: торчащие прямо из стены обрезанные провода были на редкость красноречивы.

– Эй, мадемуазель, – раздался хриплый вопль на французском, и Рене обернулась. Снизу на неё смотрел тот самый механик. Он небрежно вытирал руки о грязную рубашу, пока изучал представшую перед ним девушку. Впрочем, Рене тоже не теряла времени. Потерев шрам, она мгновенно вычленила из сотни менее важных симптомов свистящую одышку, определённо отёкшие руки и общую одутловатость. Значит, проблемы с сердцем, а может, и с печенью. Тем временем мужчина подошёл ближе. – Ты, что ли, Роше?

– Да. А вы Джон Смит? – начала было Рене, но её не дослушали.

– Вот же ромашка досталась, – проворчал механик, а затем смачно высморкался прямо на асфальт. – Короче. Правила простые. Не шуметь, мужиков не водить, музю своё громко не включать. Ясно?

– Вполне, – осторожно ответила она.

– Твоя квартира наверху. Моя – внизу. Услышу топот – вылетишь вместе со своим кустом быстрее пакета с мусором. Если будешь поздно возвращаться, то сзади дома есть пожарная лестница и дырка в заборе, чтобы не будить меня. Оплата ежемесячно. Наличными. Это тоже ясно?

– Более чем. – Улыбка вышла нервной. Ладно, могло быть и хуже. Ведь так? В конце концов, что ещё она хотела за такую цену... Тем временем Смит откашлялся и снова сплюнул.

– Твой вход слева. – Он кивнул в сторону двух одинаковых дверей, которые виднелись из-за спины Рене. – Ключи в почтовом ящике, а все твои пожитки стоят внизу у лестницы.

– Спасибо, что занесли коробки, – искренне поблагодарила она, на что старик брезгливо фыркнул.

– Ещё чего. Грузчиков своих благодари. В жизни бы не стал корячиться.

Он снова всхрипнул, покачал головой и, очевидно сочтя беседу исчерпанной, поковылял обратно к своему тягачу. Ну а Рене вновь огляделась и по мокрому асфальту поняла, что ей отчаянно повезло. Похоже, в Монреале совсем недавно закончился дождь.

Вещи и правда нашлись прямо около старой лестницы, что вела на второй этаж. Пятнадцать тяжёлых коробок, на которых то и дело встречались нарисованные Энн забавные рожицы и послания вроде: «*Не болей!*» или «*Хватит оправдывать мир!*». Это оказалось чертовски приятно, и радость от таких находок не портил даже задувающий из-под двери мерзкий сквозняк.

Рене вообще считала, что ей повезло. Дом оказался построен из камня, а не из опилок, как большинство канадских малоэтажек, так что, когда этой зимой провинцию вновь накроют метели, есть все шансы пережить несколько дней без света, воды и, самое неприятное, отопления. Приободрившись, она подхватила герберу, свой чемодан и отправилась покорять скрипучие высоты.

Снятая впопыхах квартира оказалась крошечной и довольно убогой. Голые стены с чуть облупившейся краской, полутёмная ванная, спальня и, конечно, гостиная, что отделялась от кухни длинным диваном. У Роше ушло два часа, чтобы перетаскать вещи наверх, и четыре – на попытки их все уместить. Так что поздним вечером, бережно развесив свои акварели,

¹⁸ Удачи, мадемуазель (фр.).

она только успела проверить герберу, что устало поникла в найденном на заднем дворе старом горшке, а после без сил упала в кровать. От той тянуло пылью и затхлостью, но Рене было уже наплевать. Всё, о чём она мечтала, – спать, спать, спать.

Первое монреальское утро оказалось солнечным, морозным и ветреным. Всю ночь влажный ветер мотался по острову, натываясь на здания и стремительно пролетал под мостами, гудя меж тревожно раскачивающихся проводов. Этот гул сливался с шумом двух автострад, и Рене даже во сне слышала свист, с которым тот забирался в щели под рамой и качал закрытые жалюзи. То были новые тревожные звуки. Они заставляли что-то нервно сжиматься внутри и ворочали в голове тяжёлые мысли, не давая провалиться в безмятежные сновидения. В полудрёме Рене бродила по коридорам и переплетениям лестниц, улавливая знакомый гул операционных и постоянно где-то издали ловила отзвук того самого голоса:

«В моей работе споры часто заканчиваются плачевно...»

Она хотела о чём-то спросить незнакомца, искала глазами в длинных и извилистых коридорах, но затем налетел ветер, и гигантские волны разбивались о камни. Тогда Рене снова ворочалась под сбившимся одеялом, не в силах выбросить из головы странную встречу. Она закрывала глаза и видела ровную строчку на чёрной кожаной куртке, контрастно бледную широкую кисть с выступающим рисунком вен. Ощущала тепло руки сквозь время, расстояние и ткань давно снятого платья. А потом резко подскочила на кровати, стоило в рассветном полумраке раздаться тихому щелчку приёмника. Секунда тишины – и в комнате зазвучала музыка.

*Давай, мальшка.
Давай, девчонка...*

– Тише ты! – Рене дёрнулась, чтобы накрыть приёмник подушкой, но немедленно замерла, когда на пол посыпались забытые с вечера справочники по хирургии. Они шумно ударили твёрдыми корешками по тонкому дощатому полу, пока сердце в груди отчаянно трепыхалось. О нет! Нет-нет-нет!

*Я люблю тебя,
Люблю прямо сейчас...*

Невозмутимо напевал Моби из-под тонкого слоя синтепона, пока Рене лихорадочно прислушивалась к каждому шороху и всё сильнее прижимала к себе древнего, но бодрого уродца.

– Пожалуйста! Ну пожалуйста, замолчи, – бормотала она, а сама пыталась не глядя нащупать кнопку выключения. Но приёмник разошёлся не на шутку:

*...Посмотри, мы прекрасны,
И пусть люди тычут в нас пальцем,
Нам всё равно.*

*Мы слишком много прячем!*¹⁹ – выдал он вместе с хрипами и свистом помех, а потом ручка наконец поддалась, и музыка смолкла. В комнате стало божественно тихо. Просидев неподвижно почти минуту, перепугавшаяся Рене наконец рискнула высунуть из-под одеяла одну ногу, затем – другую и в последний момент успела подхватить атлас хирургических операций в свеженьком десятом издании. Так же осторожно она положила книгу на прикроватный столик и только тогда медленно перевела дыхание. Кажется, обошлось.

¹⁹ Moby – Beautiful.

Больница общего профиля Монреаля располагалась у подножия горы Мон-Руаяль, что своей лесистой плоской вершушкой будто бы насмехалась над острыми пиками далёких высот. С каждым порывом мягкого ветра оттуда на каменные мостовые доносился аромат золотившихся клёнов, с которыми сливалось здание цвета песчаных откосов. Вереница подземных пешеходных тоннелей, которыми так славился город, лишь парой кварталов не доходила до дверей в крупнейшую клинику. И Рене, прильнув к окну автобуса, наблюдала, как понемногу, словно из-под асфальта, вырастал огромный больничный комплекс. Он показывал себя постепенно. Медленно поднимал упирающуюся в небо колонну центрального здания, чтобы в один момент, когда двигатель в последний раз нутужно взревел, раскинуться корпусами да крыльями вдоль проспекта Седар. Больница была огромной. Гигантской настолько, будто хотела своей высотой и масштабностью превзойти все до единого новомодные центральные застройки. И настолько же основательной, что в лучах медленно поднимающегося солнца казалась похожей на форт.

Крыло главного врача со скромной пластиковой табличкой «Док. Лиллиан Энгтан» нашлось практически сразу, стоило пройти пять коридоров и примерно три лестницы. Остановившись перед глухими дверями из тёмного дерева, Рене нервно подумала, что в первую пару месяцев ей понадобятся не только карта и компас, но ещё и недельный запас еды, воды и, быть может, собака-поводырь, дабы не заблудиться в бесчисленных коридорах. Внутри больница была едва ли не в два раза больше, чем казалась снаружи, и это пугало. Она постаралась незаметно потереть шрам, но в этот момент тяжёлая дверь отворилась.

Кабинет миссис Энгтан ничем не напоминал ни офис главного врача в Квебеке, ни мрачное убежище Филдса, ни закуток Чарльза Хэмилтона. Здесь было светло, просторно и в чём-то даже пустынно. Рене старательно избегала в голове слова «бездушно».

– *Ah, bonjour, mademoiselle Rocher*, – с заметным американским акцентом поздоровалась Энгтан и немедленно перешла на английский, махнув рукой на одно из двух кресел. – К сожалению, доктор Ланг задерживается, зато у нас с вами есть возможность обсудить ряд технических моментов.

Женщина скользнула взглядом по лежащим перед ней бумагам, заглянула под одну из стопок и с тихим удовлетворённым взгласом извлекла толстую зелёную папку. Рене же, сложив на коленях плащ, расправила невидимые складки на жёлтом платье и постаралась не обращать внимания на зудящий шрам. Говорят, к такому быстро привыкаешь, но у неё за десять лет так и не вышло. Словно этот след был некой самостоятельной единицей с зачатками разума, интуиции и, что греха таить, порой даже сарказма. Тем временем Энгтан нацепила на нос очки и углубилась в изучение документов.

Брошенный поверх папки взгляд был серьёзным и цепким. Главный врач внимательно следила за малейшими эмоциями на её лице и наверняка оценивала, насколько Рене готова не есть и не спать, чтобы получить заветную лицензию. Обижаться на это естественное недоверие казалось глупым. Ответственность Лиллиан Энгтан за действия нового резидента была лишь немногим меньше будущей ответственности самого доктора Роше и намного ниже, чем у взявшего на поруки чужую девчонку Энтони Ланга.

– Итак, думаю, вы понимаете, что с учётом разницы программ навёрстывать придётся много.

– Да.

– Здесь, – доктор Энгтан слегка тряхнула папкой, – собран список тестов, которые вам необходимо будет сдать в ближайшие несколько месяцев; часы и дни для отработки в клинике; осмотры; выступления на местных семинарах. Операции и дежурства обсудите с доктором Лангом, возможно, у него будут свои требования...

Неожиданно за спиной Рене послышался какой-то шум, вынудив обернуться, и главный врач прервалась. В этот же момент тяжёлые двери с грохотом распахнулись, и в проёме, расставив руки в позе Иисуса Христа, замерла мужская фигура в белом халате. Незвестный стоял склонив голову и не шевелясь, и она не сразу расслышала тихое пение. Лишь когда голос стал громче, Рене с удивлением узнала мелодию.

– *Пам. Пам. Пам. Пам-па-пам, пам-па-пам. Пам. Пам. Пам. Пам-па-дам, пам-па-дам...*

Марш звучал всё громче, и, когда дошёл до апогея, мужчина резко поднял голову, а Рене с опасливой дрожью узнала Жана Дюссо. Но не успела она удивиться неожиданной встрече, как позади него из полумрака начала вырастать ещё более высокая и жуткая в своей черноте фигура. Та приближалась неестественно плавно, будто летела, но лишь когда Дюссо картинно шагнул в сторону, стало понятно, в чём дело.

– Его хирургическое величество доктор Э-э-энтони Ла-а-анг! – драматично проорал Жан, и в кабинет на сегое въехал второй участник безумного представления. Чёрный человек опять был в чёрном...

Будь Рене проклята, но она узнала его мгновенно. Ей же всю ночь снились эти широкие плечи, чудовищный рост и даже резкие рваные движения, где каждый взмах внезапно заканчивался выверенной точкой на траектории. Идеальное владение телом. Фантастическая координация. Безумная точность. Значит, часто встречаетесь с подобными травмами, мистер гонщик? Что ж, неудивительно...

Тем временем названный Энтони Лангом мужчина заложил крутой вираж меж кресел, выбрал одно из них, по всей видимости, самое любимое, и прямо на ходу ловко запрыгнул на широкую спинку. Демонстративно перекинув ноги в тёмно-серых замшевых ботинках, он изящно развернулся к столу главного врача, упёрся подошвами в мягкое сиденье, затем искусственно брезгливым движением поправил рукава чёрного свитера и принял позу мыслителя. Сегоей же продолжил путь и через пару метров врезался в стену, после чего пискнул и замер. Рене стало ясно, что в помещение обычно сначала входило эго доктора Ланга, а потом уже – только он сам.

В кабинете стало тревожно и тихо. Лиллиан Энгтан сидела неподвижно. У книжных полок с кривой ухмылкой замер Дюссо. Ну а Ланг наслаждался эффектом от позёрства и хамства. И только подумав об этом, она тут же сглотнула, а потом вовсе вонзила ногти в ладони. Плохо. Плохо так думать о человеке, который проявил накануне столько внимания к совершенно незнакомой девчонке. В том, что это её мотоциклист, Рене не сомневалась, однако одновременно и узнавала его, и не узнавала. Вчера доктор Ланг не стал снимать на улице шлем, но теперь ничто не мешало хорошенько его рассмотреть. Так, может быть, дело именно в этом? Во внешности?

Исподлобья, словно вор, Роше бросила быстрый взгляд на ярко освещённый профиль мужчины, затем посмотрела опять, а потом снова. Сегодня ей было отчего-то страшно попасться на своём любопытстве. Но по тому, как именно Энтони Ланг дёрнул бровью, стало понятно: он прекрасно осведомлён о её наблюдениях. Его ухмылка почти кричала, что сию минуту этот сидящий в претенциозной позе мужчина милостиво позволял себя рассмотреть. Как долго? Вероятно, пока ему не надоест. И снова Рене хотела шлёпнуть себя по губам, лишь бы перестать думать так мерзко, но не могла. Ей будто мысленно приказали смотреть, и она не осмелилась возразить.

Ну что ж... Ланг был по-прежнему бледен, только сегодня кожа выглядела чуть поживее вчерашнего мертвеца. Накануне выдалось непростое дежурство? Скорее всего. Рене видела две морщинки, что прочертили высокий лоб, едва заметную синеву под глазами, крупный нос, контрастная тень которого некрасиво упала на впалую щёку, поджатые губы... А ещё стремительную линию челюсти. Такую косую, будто кто-то, не задумываясь о пропорциях и анато-

мии, взял линейку, да и провёл прямую сразу от острого подбородка до беспорядочных тёмных волос.

Ланг, конечно же, знал о своих недостатках. О, разумеется! Но вопреки натуре обычного человека не скрывал их, а нарочито демонстративно подчёркивал каждый. Он поворачивал голову так, чтобы резкий свет безжалостно падал на мелкие старые шрамы, утяжелял и без того нависающие надбровные дуги и обрисовывал естественную неровность кожи. Видит бог, его профиль можно было прямо сейчас расчерчивать для учебника челюстно-лицевого хирурга.

Чёрный цвет лишь усугублял все контрасты. Фигура мужчины казалась не просто тощей, а почти скелетообразной. Однородным траурным пятном Ланг выделялся на фоне бежевых стен, и даже закатанные рукава его свитера обнажали на костлявой руке то ли рисунок нательной рубашки, то ли... Рене чуть сощурилась. Нет-нет. Это было бы слишком просто для такой лирично-патетично-истеричной натуры – господи, Рене, ты только послушай себя! – и всё, конечно, намного сложнее. От тыльной стороны широкой бледной кисти до спрятанного ткачью локтя левая рука Ланга оказалась покрыта тёмной краской татуировки, которая образовывала непонятный узор из ломаных линий. Ох... Она медленно выдохнула, а в следующий миг едва не вскрикнула от испуга.

– Что за цирк?!

После молчания ледяной тон доктора Энгтан почти взорвал кабинет. Рене подняла взгляд на главного врача, затем перевела его на доктора Ланга и мысленно пожелала себе где-нибудь спрятаться. Кажется, их всех ждала очень некрасивая сцена. Однако идти было некуда, так что пришлось прикусить язык и остаться на месте.

– Цирк? – неожиданно вкрадчиво произнёс сидевший на кресле Ланг, отчего Рене опять нервно дёрнулась. Без шлема его голос звучал гуще, плотнее, тревожнее. – Бога ради. Не больше чем тот, что устроили вы, *доктор Энгтан*.

– Я заявила к тебе в операционную верхом на верблюде?

– Слава богу, нет.

Послышался негромкий смешок.

– Тогда не понимаю, о чём ты говоришь. – Лиллиан Энгтан сделала вид, что лежащие перед ней документы потрясаяще интересны. Уж точно любопытнее приглашения подискутировать.

– Да неужели? – протянул мужчина, а затем резко выпрямился. – Тогда ради чего здесь сидит это ничтожество? Уж не потому ли, чтобы подсунуть мне того самого верблюда вместо ассистента?

Рене вспыхнула и, кажется, даже забыла, как надо дышать. Однако кивок головы в её сторону дал ясно понять, что она не ослышалась. Ладони тут же вспотели, а по шраму будто прошлись железным прутом, пока сердце стучало от несправедливой обиды, но голос доктора Энгтан заставил очнуться.

– Ещё одно оскорбление – и ты вылетишь навсегда из моей больницы. Извинись немедленно, – процедила она и швырнула на стол тяжёлую папку. Ланг пожал плечами и развёл в стороны руки.

– Значит, будете искать нового главу отделения.

– И найду.

– Сомневаюсь, – хмыкнул Ланг и резко наклонился вперёд. – Иначе мы бы с вами сейчас здесь не разговаривали. Я нужен вам, доктор Энгтан. Вы нужны мне. А вот она никому из нас двоих не нужна.

Это было чертовски невоспитанно и дико неприлично – обсуждать человека в его же присутствии. Об этом знали все находящиеся сейчас в кабинете: разглядывающий собрание томов по анатомии Дюссо, сжимающаяся в кресле Рене, раздражённая Энгтан и, конечно, сам Ланг.

– Всё уже решено, – нарочито спокойно произнесла Лиллиан.

– Да мне плевать, – раздалось в ответ фыркание. – Пусть катится обратно в Мак-Гилл, Лаваль или кто там её прислал. Я просил нормального ассистента, не ЭТО!

– Ланг! Клянусь, ещё раз...

– Ох, что такое? Я обидел наше золотое дитяtko? – Он намеренно не смотрел в сторону Рене. Действительно, зачем обращать внимание на мебель? Это она поняла по тому, как пристально Ланг вглядывался в лицо сидевшей перед ним Энгтан. Будто хотел найти там доказательства своей правоты. – Прошу меня простить, но на пение дифирамбов очередной «звёздочке» Хэмилтона у меня нет ни времени, ни желания.

– Зато тебе вполне хватает его на унижения, – не моргнув парировала главный врач и холодно добавила: – Мы это уже обсуждали.

– И мой ответ прежний: нет. Я не возьму к себе недоучку.

Рене хотелось провалиться сквозь три этажа и подземные переходы. Она не понимала, что происходит. Что случилось с тем человеком, который вчера потратил на неё больше четверти часа, заплатил за такси и ещё позаботился о будущей безопасности? Чем она успела его обидеть или оскорбить? Вряд ли ради надежды, что из благодарности она не заявит в полицию. Глупости... Рене готова была поручиться будущей лицензией, что в действиях Ланга не было такого подтекста. Господи, она искренне хотела в это верить.

– Она не недоучка! – тем временем вспыхнула миссис Энгтан, а Ланг хмыкнул. – Да, возможно, ей немного не хватает практики по вскрытию чужих абсцессов...

– Хирургия не заканчивается на гнойниках да аппендиксах, – отчеканил Ланг. – Или вы, доктор Энгтан, позабыли, что именно моё отделение обслуживает всю травматологию этой грёбаной больницы?

– Разумеется, нет. Ты не устаёшь подчёркивать это каждый раз, когда тебе дают слово на встрече с советом директоров.

– Тогда, полагаю, вы сами сможете вышвырнуть свою протеже вон.

Повисла секундная пауза, прежде чем Лиллиан Энгтан чуть дёрнула щекой, а потом демонстративно спокойно взяла новый документ и холодно произнесла:

– Мисс Роше справится.

– О-о-о, – тихо протянул Ланг, который совершенно точно понял намёк. – Надо же какие фамилии по-шли в ход в этом кабинете. Будете угрожать мне Красным Крестом, доктор Энгтан?

Он повернул голову в сторону Рене, чтобы впервые с момента своего эпичного появления посмотреть на будущего резидента, и вдруг вымученно ухмыльнулся. Не было сомнений, что он наконец-то узнал вчерашнюю жертву. Обрадовался, огорчился или же разозлился – Рене не представляла. Только чуть дёрнулось правое веко, а потом его рот изогнулся в лживо лебезящей улыбочке. Последовала длинная пауза, во время которой золотистые глаза медленно скользнули от полукруглых носочков тёмно-коричневых туфель до двух косичек на голове. Вскрыли, выпотрошили и убрались прочь, оставив разбросанные внутренности медленно остывать в прохладном воздухе кабинета. Наконец доктор Ланг хрустнул пальцами.

– Пусть едет обратно и учится у праха Хэмилтона. Я её не возьму, – равнодушно бросил он и спрыгнул со своей жёрдочки на пол. Около длинного стеллажа с книгами преданной тенью шевельнулся Дюссо.

– Возьмёшь, – пришёл спокойный ответ, и Ланг замер в дверях.

– Нет. Мне не нужна в травме эта наивная дурочка.

– Я сказала: ты возьмёшь. Иначе можешь попрощаться не только с работой, но и с лицензией.

Мужчина медленно повернулся, и его узкое лицо высокомерно скривилось.

– Угрожаете мне... доктор Энгтан? – тихо спросил он.

– Информировать, что ты вылетишь отсюда без рекомендаций и шанса на практику, если к июлю мисс Роше не получит лицензии. Она. Мне. Нужна. Я доступно донесла свою мысль?

На кабинет рухнула тишина, вдавив Рене в кресло, когда Энтони Ланг медленно повернул в её сторону голову. И от взгляда, полного самой настоящей ненависти, которым он смерил сжавшееся в кресле тщедушное тельце, захотелось в панике заорать, но Рене лишь попыталась смущённо улыбнуться. Она не предполагала, что выйдет именно так. Отчаянно переживала, что стала причиной конфликта и чьих-то неудобств, однако сказать об этом не успела. Ланг дёрнул головой и посмотрел на главного врача.

– Яснее и не скажешь, – процедил он и вылетел из кабинета. Следом за ним, приветственно помахав Рене рукой, спокойно вышел Дюссо.

Ну а доктор Энгтан вздохнула и покачала головой.

– Я приношу извинения за поведение и слова моего врача, – спокойно проговорила она, словно ничего не было, так, небольшой обмен мнениями. – Надеюсь, это никак не повлияет на ваши будущие деловые отношения. Увы, доктор Ланг слишком упрям и не любит брать учеников. Но Рене Роше – слишком ценное приобретение, чтобы...

– Вы не должны были так делать, – неожиданно даже для самой себя перебила она, не зная, где набралась наглости договорить до конца. Но и оставить произошедшее неразрешённым было нельзя.

– Прошу прощения? – Энгтан казалась искренне удивленной.

– Какими бы благими намерениями вы ни руководствовались, но доктор Ланг вряд ли заслужил подобного обращения. Профессор Хэмилтон всегда говорил, что наставничество – это в первую очередь доверие. А разве можно доверять кому-то насильно? – Рене поднялась и подхватила плащ. – Вы ведь даже не предупредили его, что я буду здесь, верно?

Она посмотрела на главного врача и, когда та не ответила, нервно стиснула плотную ткань.

– Прошу меня извинить, – пробормотала Рене и вылетела из кабинета.

Она бежала так быстро, как только могла, и постоянно озиралась по сторонам в поисках Ланга. Надежда, что разгневанный хирург не успел уйти далеко, была призрачной, но всё-таки оправдалась, когда в конце коридора Рене заметила его высоченную фигуру в чёрном. Он точными росчерками подписывал какие-то бумаги, что совала ему под нос светленькая медсестра, и, кажется, собирался уходить. По крайней мере, его левая рука уже тянулась к ведущим на лестницу тяжёлым железным дверям, когда, наплевав на любые правила приличия, Рене бросилась к нему и крикнула:

– Доктор Ланг, подождите, пожалуйста. – Она торопливо стучала каблуками по резиновому покрытию пола. – Мне нужно вам кое-что сказать.

Мученически закатив глаза, заведующий отделением поставил последнюю закорючку, что-то с улыбкой шепнул медсестре и повернулся к спешащей к нему навстречу взлохмаченной Рене. Без особого интереса он следил за её быстро приближающейся фигуркой и от скуки едва не зевал.

– Что вам ещё нужно? – лениво спросил Ланг, стоило ей остановиться.

– Я... я хотела бы извиниться за то, что произошло сейчас в кабинете, – быстро проговорила она и, так как никаких комментариев не последовало, продолжила: – За сказанные вам слова, за всю ситуацию, которая случилась из-за меня. Поверьте, я не знала и действительно не хотела, чтобы так вышло.

– Неужели? – странным тоном произнёс Ланг и скрестил на груди руки, отчего прямо перед её носом оказался странный лабиринт татуировки.

Задрав голову, чтобы смело посмотреть в золотистые глаза, она никак не могла истолковать пойманный взгляд, чего там было больше: насмешки, интереса или же напряжения. Впрочем, вся поза доктора Ланга выражала едва сдерживаемое нетерпение, словно он уже был

готов запрыгнуть на свой байк и быстро умчаться. Право слово, не человек, а рождённое в плоти и крови олицетворение стремительности. И всё же Рене должна была договорить, а он – выслушать.

– Для меня попасть сюда, к вам, – такая же неожиданность. Не так я представляла свою карьеру, однако случилось то, что случилось. Да, моя специализация и практика не были столь обширны, скорее, наоборот... Но я почти за честь учиться у вас. И прекрасно понимаю, что вы имеете полное право думать обо мне так... – Она на секунду замаялась, прежде чем договорила: – Так, как сказали.

Рене перевела дыхание, не заметив, что руки принялись машинально теребить пояс плаща, а Ланг всё стоял и смотрел на неё сверху вниз. Молчание затягивалось, и надо было бы сказать что-то ещё, но слова больше не шли. Наконец Энтони Ланг хрустнул длинными пальцами, посмотрел куда-то поверх её головы и небрежно бросил:

– Имею право, говорите? – Он презрительно скривился. – Нет, мисс Роше, не имею. Однако раз вам настолько нравится унижаться, то я, пожалуй, продолжу так думать и дальше.

– Сэр... – попробовала было заговорить Рене. Чёрт, он всё понял неправильно! Совершенно неверно!

– Мисс Роше, – раздражённо оборвал её Ланг, – засуньте свое благородство в рот, прожуйте и протолкните в глотку, стараясь не подавиться. И бегите отсюда прочь прямо сейчас, пока ещё не пожалели, что вообще переступили порог этой больницы.

– Но...

– Ваша смена начинается завтра в половине шестого, и я настоятельно рекомендую туда не явиться. – Он снова взялся за дверную ручку, но Рене, которая, видимо, набралась хамства у него же, прижала ладонь к створке, не дав открыть.

– Сэр, пожалуйста, выслушайте меня. Вы неправильно поняли... Умаление прав на извинения одной из сторон для неё унижительно. Помните? Это ваши слова. Я всего лишь хотела...

Рене резко оборвала себя, потому что Ланг стремительно наклонился, отчего его бледное лицо оказалось слишком близко, и процедил:

– До свидания, мисс Роше.

А в следующий миг мужчина рванул створку, вынудив пошатнувшуюся Рене инстинктивно схватиться за край откоса, в один шаг очутился на лестнице и резко захлопнул за собой дверь. Причём сделал это с такой силой, что грохот разнёсся по всему коридору, зазвенев в стёклах перегородок и кабинетов.

Рене шарахнулась в сторону всего лишь на мгновение позже удара закрытой двери. Но этого, конечно, никто не заметил, как не обратил внимания на её безумный взгляд и выступившую на лбу испарину проходивший мимо персонал. А она сама не понимала, как сумела не заорать. Почему вообще устояла на ногах, а не рухнула на пол у чёртовой двери с воем и воплями. Было так больно, что перед глазами на несколько секунд всё пошло цветной рябью, и к горлу подкатила тошнота. Открыть глаза было страшно, но Рене всё равно медленно подняла левую руку и боязливо уставилась на ободранные пальцы, прежде чем инстинктивно прижала к груди пострадавшую кисть. На прижатых дверной створкой фалангах уже собиралась кровь, однако беспокоило вовсе не это. Осторожно, боясь сделать слишком резкое движение, она согнула и разогнула горевшие огнём пальцы, а затем перевела безумный от боли взгляд на равнодушную светло-серую дверь. Боже...

Руки хирурга – предмет его гордости. Незаменимый инструмент. Смысл жизни. Можно разбить окуляры, остаться с одной ногой или вовсе без них. Но нельзя оперировать без идеально послушных рук. И теперь доктор Роше могла только надеяться, что к половине шестого утра её едва не перебитые пальцы будут способны удержать хотя бы пинцет. Господи, ну до чего же неудачная вышла случайность!

Глава 4

Остаток дня Рене провела, бегая по этажам и «наслаждаясь» прелестями учебной бюрократии. Она знакомилась с новыми коллегами, составляла в голове примерную карту местности и с тревогой ждала вечера, когда придётся вернуться домой и напрямую столкнуться с последствиями. Прижатые дверью пальцы болели. Да что там! Они пульсировали и ныли в такт сердцебиению всякий раз, стоило подняться несколько пролётов по лестнице или влететь в закрывающийся лифт. А любая попытка ими пошевелить вызывала горькое желание разреваться.

Вернувшись в кабинет Лиллиан Энгтан после неудавшегося разговора, Рене до конца интервью старательно прятала руку в складках плаща. Она знала, что пачкает его кровью, но отчаянно не хотела вопросов или (не приведи господи!) очередного конфликта. На сегодня для всех хватило унижений, и снова подставлять доктора Ланга под гнев главного врача было бы слишком жестоко. Однако по тому, как неловко вышло подхватить протянутую толстую папку, стало понятно, что притворщица из неё вышла аховая. Но Энгтан промолчала, только нахмурилась сильнее и отпустила с миром покорять дороги бумажной волокиты.

Во время этих вынужденных скитаний между отделениями Рене выяснила, что общая хирургия располагается на восемнадцатом этаже, под самой крышей огромного длинного корпуса, а операционные, согласно стандартному плану больниц, – на полуподземных уровнях. Это поначалу заставило недоумённо моргнуть, потом медленно прикинуть, сколько минут займёт путь вверх или вниз, а затем Рене длинно выдохнула. Похоже, бегать придётся много. А уж о ночных дежурствах и говорить нечего.

Там же, в отделении, на самом верхнем этаже, Рене несколько раз сталкивалась с доктором Дюссо, который шёл будто бы по пятам: в коридоры, в кабинеты, ординаторскую... до лифтов, к чёрной лестнице и даже в небольшую лабораторию, куда её попросили занести по пути чьи-то отчёты. Впрочем, это своеобразное преследование натолкнуло её на странные мысли. Чем дольше она смотрела на доктора Дюссо, тем больше лучший друг доктора Ланга выглядел как... сам доктор Ланг.

Она с удивлением поняла это, когда наткнулась взглядом на такую же чёрную рубашку, тёмные брюки и даже небрежно закатанные рукава. Всё в нём, от походки до манеры жестикулировать, в точности повторяло привычки главы хирургии, но только не производило и доли того впечатления, какое оставлял после себя доктор Ланг. Уж это она почувствовала собственной кожей, потому что каждый раз, стоило им пересечься, Дюссо провожал её тем самым перебродившим взглядом. Это вызывало желание поскорее сбежать, а шрам взрывался такой острой болью, что, кажется, покраснел.

Разумеется, Дюссо видел покалеченные пальцы. Наверное, это стало первым, куда упал его взгляд, но он ничего не сказал. Только взглянул на часы, улыбнулся одной из медсестёр, и на том инцидент оказался исчерпан. Однако в конце дня, когда лифты для посетителей были переполнены ухивившимися со смены врачами, а Рене, прижатая двумя могучими ортопедами,

почти висела на задней стенке кабины, произошёл самый отвратительный разговор, предметом которого стала она сама.

Они зашли в лифт двумя этажами ниже: Ланг на своём сегвее, который, видимо, всё же забрал из кабинета, и Дюссо. Между ними и Рене пролегла внушительная прослойка из человеческих тел, отчего эти двое наверняка её не заметили. Однако резко выделяющаяся на фоне французского говора английская речь не дала пропустить ни единого слова.

Глава хирургии был очень высок. Однако теперь, благодаря высоте сегвея, его голова и вовсе маячила где-то под потолком, подобно чёрному воздушному шарiku. В другой раз это показалось бы презабавным, но сейчас отчего-то было не до смеха. Видимо, уже немного отёкшие пальцы напрочь отбили малейшее чувство юмора. Два врача явно продолжали начатый ранее разговор, пока Рене нервно стискивала папки с документами и мечтала очутиться где-нибудь в Гренландии.

– Твоей целью сегодня было устрашение ради абсолютного послушания или ты действительно настолько не хочешь видеть девчонку в операционной? – раздался голос Дюссо.

– Настолько, – коротко отозвался Ланг.

– Жаль, – протянул Дюссо, а затем раздался театрально длинный вздох. – Она довольно милая. Видел бы ты, как она сладко краснела на похоронах...

– Бог миловал, – процедил доктор Ланг и демонстративно достал телефон, но его друг, кажется, не уловил намёка. – Мне хватило вчерашнего.

– А что было вчера? – недоумённо поинтересовался Дюссо, но, когда ответа не последовало, вернулся к очень интересной для него теме. – Нет, серьёзно. Такой симпатичный маленький ангелочек.

– Ага... – буркнул Ланг, который откровенно не слушал.

– Как думаешь, за её крылышки будет удобно подержаться в позе сзади?

– М-м-м...

– Опять же, шрам маячить перед глазами не будет. От него что угодно упадёт...

– Шрам? – Впервые за всё это время глава отделения проявил хоть какой-то интерес к разговору, чем мгновенно воспользовался Дюссо.

– Только не говори, что уже забыл, – воскликнул он, но немедленно перешёл на громкий шёпот. – У неё же всё лицо порезано. Чик-чик. Плохо зашили, видимо. М-да. Такое полночи в кошмарах снится будет. А вообще могла бы чем-нибудь там замазать... Эй! Ты действительно не помнишь?

– Не заметил, – отозвался главный хирург, снова потеряв всякий интерес к разговору.

Двери открылись и впустили новую порцию людей, отчего толпа перед Рене уплотнилась, а голоса двух врачей стали ближе.

– Как этого можно не заметить?

– Молча.

– Интересно, что же такого она должна сделать, чтобы ты обратил на неё внимание?

Ответом стали ленивый поворот головы и недовольно сдвинутые брови. Очевидно, доктора Ланга уже порядком утомила беседа, а потому в кабине наконец-то повисла тишина. Но ненадолго, ведь стоять и ничего не говорить больше пары секунд Дюссо, похоже, попросту не умел.

– Как думаешь, девчонка завтра придёт?

– Мне всё равно.

– А не боишься, что после таких эскапад она может подать на тебя в суд? Пальцы ты ей сильно отшиб. Я видел сегодня.

– Не подаст, – раздалось ленивое хмыканье, а потом Ланг равнодушно добавил: – Эта – нет. И если не дура, то уже пакует чемоданы, чтобы и дальше лить слёзы на могилке Хэмилтона.

– Ну, судя по бумагам на твоём столе, она подписала контракт, – ехидно заметил Дюссо. – Видел, когда занёс тебе снимки.

– Значит, всё-таки дура, – послышался разочарованный выдох, а следом – намеренно громкое клацанье по экрану телефона.

– Смотрю, она тебя совсем не впечатлила.

– А тебя – чересчур.

Кажется, разговор окончательно достал доктора Ланга, потому что он устало потёр глаза и нахмурился, вчитываясь в какое-то сообщение или письмо. В общем, в нечто такое, что могло бы избавить от дальнейших обсуждений. Однако...

– Ну, я бы так не сказал, но, возможно, ты прав... – Дюссо посмотрел на главу отделения, который явно уже не слушал. Теперь Ланг что-то быстро печатал, пока его коллега терпеливо ждал ответа. – Она тебе не нужна?

– Кто? – машинально отозвался глава отделения.

– Девчонка. Если нет, тогда ты будешь не против...

Похоже, Дюссо что-то изобразил, но последовал очередной раздражённый вздох, и пришлось замолчать. Слава богу! Рене нервно облизнула пересохшие губы. Однако в благословенной тишине им удалось проехать лишь пару этажей. Так что, когда она уже понадеялась на окончание этой неловкой беседы, со стороны замолчавших было мужчин донеслось новое:

– Но если нет, можем поделить...

– Господи! – процедил Ланг. – Ты можешь уже заткнуться? Я выразился достаточно ясно: мне плевать на Роше и...

Он явно собирался добавить что-то ещё, но вдруг тряхнул головой и запустил руку в волосы, словно у него внезапно заныли виски. Ну а потом кабину дёрнуло, двери лифта наконец-то открылись, и толпа радостно хлынула в общий холл первого этажа. Только Дюссо немного замешкался, пропуская сегвей, потому Рене услышала:

– Мисс Ромашка, вы проданы, – хохотнул он себе под нос и вышел следом за выкатившимся наружу Лангом.

Рене же осталась стоять в лифте, куда снова набивались люди, и спохватилась в самый последний момент, когда кто-то уже потянулся к кнопке закрытия дверей. С извинениями растолкав недовольных пассажиров, она успела вывалиться в коридор, прежде чем за спиной захлопнулись створки. И это было ужасно. Всё было ужасно! Доктор Ланг не опроверг слов Дюссо о пальцах, правда, и не подтвердил. А это значит... значит... Что-то же это должно значить! Боже... Рене в замешательстве сжала папку сильнее и тут же охнула от боли.

Взглянув на наливающиеся синяками и чуть припухшие фаланги, где красовались неприятные ссадины, она поджала губы. Нет, скорее всего, Ланг просто не стал спорить с другом. Он устал, у него, очевидно, разболелась голова. Да и разве может хоть один связанный клятвой врач намеренно пойти на такую жестокость? Нет! Рене упрямо нахмурилась и быстрее зашагала к выходу из больницы. Никто из них не сделает больно нарочно. Не унизит. Не предаст человеческое доверие. Потому что зачем вообще становиться врачом, если внутри нет сострадания? Так что прочь любые подозрения от Энтони Ланга! Ни в коем случае нельзя сомневаться в человеке, пока он не докажет обратного. К тому же шрам никогда раньше её не обманывал.

Рене раздражённо передёрнула плечами, затем инстинктивно провела пальцами по тонкой полосе, что пересекала левую щеку и уходила дальше за ворот платья. Она слышала много обидных шуток в свой адрес, и эта не сказать, что её впечатлила. Но доктор Дюссо совершенно точно скрывал в себе нечто такое, отчего по спине пробежал холодок. В голову тут же лезли похороненные много лет назад воспоминания. Казалось, ей удалось превратить их в новые цели ещё лет десять назад, но один липкий взгляд пробудил их опять. И что с этим делать, она не знала. Шрам никогда не врал. Так значит ли это, что она может смело доверять Энтони Лангу, но должна бежать прочь от Дюссо? Хотя куда деться из одного отделения? Бред... Рене

хмыкнула, потом с каким-то яростным облегчением принялась расцарапывать горящий на шее рубец.

На то, чтобы отстирать с плаща смазанные следы крови, ушёл целый вечер. Остальное же время она потратила на судорожное чтение протоколов будущих операций и борьбу со справочниками, которых неожиданно оказалось слишком много. Да, у неё было время на подготовку, но чудовищно мало, если раньше ты вскрывал мозги и спины, а не кишки или желчные пузыри. Вряд ли, конечно, будет намного сложнее, но непривычнее – точно. А уж волнительнее – и подавно. Рене придётся прыгать выше головы самого доктора Ланга, потому что нечто менее гениальное его вряд ли устроит.

Так что в состоянии некоего транса она сидела на продавленном диване, куталась в подаренный на прощание друзьями из нейрохирургии плед и шептала классификации ран, пока вчитывалась в предоперационные эпикризы. С закрытыми глазами старший резидент мысленно проходила через каждый этап предстоящих манипуляций, просчитывала возможные осложнения, а потом судорожно сверялась по справочникам топографической анатомии. Уже привычно и монотонно ныли отдавленные дверью пальцы, едва заметно на подоконнике колыхала листьями гербера, и Рене не заметила, как между доступом к двенадцатиперстной кишке и остановкой кровотечения провалилась в сон.

Ну а утро... утро началось со знакомого:

– *Tu m'as promis... et je t'ai cru...*²⁰

Голос In-Grid ворвался в дом, и Рене скатилась с дивана. Оступаясь и поскальзываясь на холодном полу, она пыталась выпутаться из пледа, но лишь придавила коленом поврежденную руку и взвыла от боли.

– Ах ты ж... зараза!

Tu es foutu-tu-tu-tu-tu-tu...

Tu es foutu-tu-tu-tu-tu-tu...

Старый динамик всё хрипло ехидничал, пока Рене пыталась оценить нанесённый ущерб. Основной отёк спал, но содранная кожа ещё влажно поблёскивала в свете так и оставшейся включённой с вечера лампы. Хоть и болезненно, пальцы всё же сгибались, но не было ни привычной лёгкости, ни точности, а уж о том, чтобы оперировать в полную силу, можно и не мечтать. Чёрт! Вот же... чёрт. Она медленно выдохнула, а потом перевела взгляд на разбросанные по полу и дивану учебники.

Tu m'as promis! Tu m'as promis! Tu m'as promis! – зачастил приёмник, чем вывел из состояния, близкого к ступору. Подхватив злополучный плед, Рене поднялась и доковыляла до радио. Но прежде чем выключить его, ещё раз размяла пальцы, помассировала чуть опухшие костяшки и машинально поморщилась от неприятных ощущений.

Tu es foutu-tu-tu-tu-tu-tu...

*Tu es foutu-tu-tu-tu-tu-tu...*²¹

– последний раз пробубнила In-Grid, а потом щёлкнула кнопка выключения.

²⁰ Ты обещал... а я поверила... (фр.)

²¹ In-Grid – *Tu es foutu* («Ты мерзавец»).

Крошечные часы, которые пока сиротливо стояли на довольно пошарпанном комод, куда Рене бросила полусонный взгляд, бездушно сообщили, что она опаздывает. Причём настолько, что придётся срочно учиться летать. Потому, коротко вскрикнув, она бросилась к неубраным накануне вещам, оттуда – в ванную, и ей было совершенно плевать, что сейчас половина четвёртого утра. За открытыми жалюзи нервно мигал одинокий фонарь, с расположенных рядом трасс доносился гул проезжающих машин, а с первого этажа прилетел вопль:

– Эй, слышь! Ты там не охренела? – По воздуховоду разнёсся гневный стук.

– Простите. Мне очень жаль, – пробормотала Рене, даже не подумав, что её не услышат, и заскочила в душ.

Спустя рекордные десять минут всё ещё с влажными кончиками заплетённых в косы волос она уже торопливо спускалась по лестнице и одновременно пыталась застегнуть не высохший до конца плащ. Похоже, система отопления в этом доме оказалась столь же убога, как и лестница, ремонт и гостеприимность хозяина.

– Какого дьявола ты творишь? – Впереди раздались скрип двери и тяжёлые шаги Джона Смита, а потом его громоздкая фигура замаячила в конце коридора. – Четыре, мать твою, утра!

– Извините, я врач, – буркнула Рене первое попавшееся оправдание, даже не задумавшись об уместности, и пронеслась мимо оторопевшего механика. Хлопнув дверью, она растворилась в осеннем туманном утре.

В начале шестого ординаторская и примыкающая к ней раздевалка ещё пустовали. Лишь кто-то из ночной смены устало вбивал в компьютер последние данные по своим пациентам да глотал горячий кофе дежурный резидент. Легко найдя свой шкафчик, который располагался почти у самой двери, Рене сложила туда учебники, натянула халат и повесила на шею стетоскоп. С каким-то непонятным трепетом она взяла в руки новый бейдж, где красовалась её фотография, повертела в ноющих пальцах, а потом уверенным движением прикрепила к кармашку. Ну что ж, самое время разочаровать доктора Ланга в своих умственных способностях, а потом постараться доказать обратное.

Так как своих больных у неё пока не было, то и привычных утренних задач для неё не нашлось. День в этой больнице начинался рано, а потому она сидела в ординаторской в обнимку с планами двух будущих операций и осторожно разглядывала прибывающих врачей. Рене уже успела ознакомиться со списком своей бригады, но из знакомых имён нашла только доктора Ланга, и теперь гадала, кто из вошедших мог быть в команде. Однако, когда она уже подумывала, не пробежаться ли до отделения анестезиологии, чтобы успеть лично познакомиться с неким доктором Фюрстом, в их большую светлую комнату вкатил доктор Ланг, и стало тихо. Он мазнул взглядом по комнате, чуть задержался на Рене, и она почти улышалась его тяжкий вздох.

Глава отделения был на сегоднее и вновь одет в чёрное, точно представитель тех субкультур, что отращивают волосы, подводят глаза и слушают безумную музыку, больше напоминающую распиливание железных кастрюль. По крайней мере, его татуировка наводила именно на эти крамольные мысли. Узор выглядел из-под края закатанного до локтя рукава чёрной рубашки и сливался с ней в одну темноту. Интересно, доктор Ланг всегда-всегда ходит... так? Рене вдруг стало смешно. Она представила, как в чёрном хирургическом костюме, в чёрной шапочке на чёрных волосах, в чёрной маске, в чёрных перчатках и, конечно же, в чёрном драматично развевающимся халате наставник входит в ярко-белую операционную. О да, это было бы в его духе – всё так же лирично и очень патетично. Не сдержавшись, Рене тихо фыркнула, но тут же получила убийственный взгляд в свою сторону. Невольный наставник будто бы знал, какие скабрёзные мысли царили в её голове.

Тем временем доктор Ланг подкатил к одному из окон, за которым уже серел рассвет, и знакомым, удивительно лёгким для его роста движением запрыгнул на широкий подоконник.

Не стесняясь, глава хирургии закинул ноги на подвернувшийся рядом стол и махнул рукой. В следующую же секунду каждый из находящихся в ординаторской настороженно замер, и наступила тишина.

– Доброе утро, – негромко поздоровался Ланг. Его взгляд медленно скользнул по лицам присутствующих и обратился к очень интересной дверной ручке. – Знаю, что отвлекаю вас от дел, но сегодня у нас будет небольшое собрание, прежде чем все приступят к выполнению своих обязанностей.

Он снова вздохнул, потёр двумя пальцами хмурый лоб и заговорил, теперь обращаясь к квадратным лампам дневного света, словно жившие там бактерии заслуживали большего внимания, чем люди:

– Надеялся, мне не придётся этого делать. Но, увы, у нашего главного врача чересчур неконтролируемая жажда деятельности. – Ланг вздохнул, а потом, так и не опустив головы, вскинул руку и безошибочно указал на Рене. – У нас новый старший резидент. По всем вопро-сам...

Донёсшийся из-за двери громкий голос прервал доктора Ланга на полуслове:

– Если ты настолько туп, то спустись двумя этажами ниже, в педиатрию, к бешеной Морён и останься там навсегда. Возиться с детским говном – вот предел твоих возможностей!

Глава отделения поднял брови, словно оценивал озвученное предложение, а затем молча уставился в окно в ожидании, когда можно будет продолжить. В следующий момент раздался хлопок, и в ординаторскую ввалился доктор Дюссо в сопровождении темнокожего парня. Тот был невысокого роста, со сбившимся набок мятым халатом, а его лицо покрывали удивительно крупные капли пота. Рене озадаченно нахмурилась, потому что дышал он при этом так тяжело, что невольно захотелось ему посочувствовать. Похоже, беднягу отчитывали на протяжении минимум всех восемнадцати этажей, которые миновал лифт.

– Если тебе плевать, какой иглой шить, так выбирай шило и моток бечёвки. Какая, мать твою, разница, – не унимался Дюссо. Он шагнул к стоящей около входа вешалке, раздражённо закинул туда свой тёмно-серый плащ и наконец-то развернулся к остальным. Секундное замешательство и... – О-о-оу!

– Мы очень рады вам, доктор Дюссо, – протянул Ланг. – Мне неловко отвлекать вас от учебного процесса, но надо соблюсти формальности.

Он лениво махнул рукой, и взгляды вошедших немедленно уставились на напряжённую фигурку Рене. И если Дюссо смотрел со знакомой навязчивостью, то незнакомый молодой человек опасливо передёрнул плечами.

– Ланг, – тем временем кивнул хирург, – прошу нас извинить. К сожалению, пациенты сами себя не вылечат. Правда, с помощью мистера Хулахупа...

– Холлапака, – едва слышно поправил всё ещё потеющий несчастный.

– ...Они не сделают этого так же. Скорее уж Лазарь воскреснет и явится в нашу богдельню раздавать божественные щелбаны.

Дюссо рассмеялся, и тут же вокруг послышалось тихое солидарное фырканье. Все радостно зашептались, однако Рене заметила, что где-то на середине фразы Энтони Ланг снова уставился в окно. Он смотрел на просыпающийся за стеклом город, словно тот интересовал его куда больше жизни собственного отделения. Будто там творится нечто куда более интересное, чем новый день в стенах крупнейшей больницы. Абсурд! Рене едва сдержала раздражённое фырканье. При такой страсти к полному контролю Ланг должен был знать каждый шаг своих подчинённых, каждый жест и читать в их глазах ещё не принятые решения. *«В моей работе споры часто заканчиваются плачевно».* Да-да, именно так! Но если дело не в равнодушии, тогда в чём?

Она бросила ещё один взгляд на замершую чёрную фигуру и вдруг ошарашенно поняла: доктору Лангу ошеломительно скучно. Святые небеса! Похоже, вся эта рутина казалась ему

настолько унылой и утомительной, что даже рассвет над знакомым городом выглядел более притягательным. Больные, здоровые, интерны, резиденты, их проблемы, вопросы отделения – досадная, но предсказуемая нелепица. То, что случается каждый день без шанса на разнообразие. Он давно всё изучил, знал каждое слово или ещё не поставленный диагноз, а потому чертовски скучал. Почти смертельно. Это читалось в пустом взгляде, которым он снова скользнул по занявшему свой угол Холлапаку; по недрогнувшему лицу, стоило Дюссо намеренно встать за спиной Рене и демонстративно заглянуть в лежащие на девичьих острых коленках бумаги. Даже когда в вырез джемпера устремился любопытный мужской взгляд, отчего захихикали все находящиеся рядом, Ланг остался уныло бесстрастен. И тогда Рене невольно задумалась: зачем он здесь? Что его держит в этих стенах, если один их вид вызывал у него приступ рвоты?

Она потянулась потерять засаднивший шрам, а заодно поплотнее запахнуть полы халата, но неожиданно почувствовала чужое дыхание на своей шее.

– Доброе утро, мисс Роше, – прошелестел Жан Дюссо, и Рене едва сдержалась, чтобы не дёрнуться. – Как вам сегодня спалось?

– Так вот, по всем вопросам процедур и пациентов, – словно издалека донёлся голос доктора Ланга, когда она резко сдвинулась на самый край кресла, – обращайтесь к нашему новому старшему резиденту. Мисс Роше с удовольствием поможет...

Ланг неожиданно прервался, когда все взгляды дружно обратились к Рене. Он хмыкнул, заметив, как пристально рассматривали настороженно замершую фигурку, будто ждали первых аккордов гимна Красного Креста, и лениво облокотился на подоконник. У неё не осталось сомнений, что Ланг сделал это нарочно, однако она лишь медленно выдохнула и приветливо улыбнулась. Ничего, уже не впервой проходить через все эти прерванные разговоры и проглоченные в последний миг сомнительные шутки, будто она не врач, а выпускница теологического факультета; через политику, подхалимство и прочие безрадостные вещи. Рене вздохнула.

– Да-да, до нас снизошло звёздное дитяtko, – тем временем закатил глаза Ланг, которому опять стало скучно. – Будьте к ней снисходительнее, всё же новое рабочее место... А впрочем, не будьте.

Он размял плечи, словно хотел сбросить стянувшее их невидимое напряжение, ну а откуда-то слева раздалось женское хихиканье. Осторожно посмотрев в ту сторону, Рене заметила двух медсестёр. Они стояли рядом, точно две фигуры на шахматном поле – чёрная и белая; высокая белокурая и голубоглазая и прислонившаяся к ней плечом смуглая, тонкая, с гладко забранными тёмными волосами. Их взгляды внимательно изучали новенькую, словно собирали анамнез личности или раскладывали на органы в учебной анатомичке. Вот шрам, вот ссадины на пальцах, вот выбившаяся из двух привычных косичек коварная белокурая прядь. Рене была уверена, что её весёленькая юбка в забавный горошек тоже подверглась анализу и выводы этих двух были неутешительны: кажется, мисс Роше – редкостный фрик.

– Невежливо оставлять собеседника без ответа, – внезапно прошептал над ухом Дюссо, о чьём присутствии она уже успела позабыть и потому испуганно отшатнулась. Однако убежать ей не дали. Чужая рука незаметно для остальных скользнула по спине и с силой потянула назад за ворот джемпера.

– Отпустите, – прошипела Рене. Твёрдый шов больно впился в кожу, но она всё равно упрямо наклонилась вперёд, пытаясь избавиться от навязчивого контакта.

– *Je vais te laisser partir. Mais d'abord, tu vas me répondre à une question. Dis-moi, tu dors nue ou?..*²² – неожиданно по-французски спросил Дюссо, и она позабыла, как дышать. Что?! Это же... Он не мог всерьёз спрашивать такое! Тем временем ворот окончательно впился в шею.

– *Non*, – торопливо прошептала Рене, и давление на шею чуть ослабло.

²² Я тебя отпущу. Но сначала ты ответишь мне на один вопрос. Скажи, ты спишь голая или... (фр.)

– *Quel dommage. Veux-tu essayer?*²³

– *Non!*

– Моя дорогая мисс Роше, – до них донёлся ленивый голос Ланга, – перестаньте уже витать в облаках своей славы и обратите внимание на страждущих вашего внимания.

Кажется, пока происходил короткий диалог с Дюссо, глава отделения успел рассказать о ней ещё несколько фактов, а также озвучить список дел на сегодня, завтра и весь следующий год. Потому что, подняв голову, Рене увидела группу потерянных интернов, из которых каких-то предстояло распределить по кураторам, а кого-то отправить в клинику. А ещё резиденты третьего года ждали своей очереди на практику по биопсиям, второго – на перевязки и прочие рутинные задачи, кто-то хотел отчитаться, слева уже тянули папки предоперационного эпикриза... Но, вместо того чтобы схватиться за всё сразу, она медленно перевела взгляд на Энтони Ланга и увидела скривившую большой рот едва заметную ухмылку. Наставник сидел, подперев рукой подбородок, и с явным наслаждением следил за происходящей у его ног вознёй. И неожиданно Рене поняла, что её бросили. Не просто оставили один на один с проблемами и задачами, а швырнули в толпу и любят тем, как она тонет. Это такой метод обучения? Если да, то он очень жесток. Впрочем, поговаривали, что бывает и хуже: крики, недовольство, взаимные жалобы в дирекцию резидентуры. Между некоторыми её однокурсниками и их наставниками шла едва ли не открытая война, она же просто привыкла к другому. Ничего, всё можно вытерпеть. Это всего лишь на один год.

Так что, поджав губы, Рене повернулась к какому-то парнишке, что пихал прямо в руки стопку назначений и громко просил проверить дозы антибиотиков. Однако стоило ей только взяться за документы, как одновременно случилось две вещи: на колени прилетел чей-то стаканчик с горячим кофе, а над ухом раздался шёпот:

– *Réfléchis à ma proposition. Petite cerise*²⁴.

Больше она ничего не успела услышать. Вскочив на ноги, Рене попыталась зачем-то отряхнуться, чувствуя, как горит кожа в том месте, куда успел попасть кипяток.

– Ах, прошу прощения. Я та-а-ак неаккуратна, – протянул голосок совсем рядом.

Вскинув резко голову, Рене увидела уже знакомую смуглую девушку. Та улыбалась фальшивой улыбкой и протягивала неведомые бумаги:

– Ознакомься, Роше.

Документы перекочевали из рук в руки, и Рене собралась уже развернуться (в конце концов, нужно было срочно вернуться в раздевалку и переодеться), но её аккуратно взяли под руку. А в следующий момент она смотрела в холодные голубые глаза и медленно пятилась назад, пока аккуратно подпиленные ногти всё глубже впились в кожу.

– Что же ты, Клэр, надо быть осторожнее, – тихо протянула та самая светловолосая медсестра. Тонкие губы чуть изогнулись, напомнив хирургический разрез, а затем открылись, чтобы произнести: – Доктор Ланг наверняка будет переживать за шкурку своего ассистента.

– Этого? – так же негромко хмыкнула вторая, а потом смерила Рене взглядом, словно видела в ней соперницу. Боже! Чему? Шприцам и ланцетам? Тем временем результат осмотра её явно удовлетворил. – Не думаю, Хел. Ставлю на две недели.

– Принимаю. – Голубоглазая бросила быстрый взгляд в сторону безразличного к происходящему Энтони Ланга. – Вряд ли она задержится здесь дольше.

И с тихим смешком ногти наконец покинули кожу, а две подруги легко и незаметно удалились сквозь собравшуюся вокруг толпу. И никто не слышал этого короткого разговора. Ни одна душа не заметила или сделала вид, что не видела, потому что слишком громко общались между собой интерны, слишком заливисто смеялся кто-то в другом конце ординаторской. Даже

²³ Как жаль. Не хочешь попробовать? (фр.)

²⁴ Подумай над моим предложением, маленькая вишенка (фр.).

Дюссо оказался внезапно занят собственным резидентом, отчитывая того за очередные неведомые грехи. А потому Рене стояла в полном одиночестве с неожиданным осознанием, что ей объявили войну. Не за какую-то провинность, слова или ошибки, а просто за факт существования здесь и сейчас. Возможно, чуть-чуть – за фамилию. А ещё вероятнее – из-за доктора Ланга, чьё поведение стало для остальных точкой отсчёта. Она не знала, почему так вышло, – да и что бы это дало? – однако, как всегда учил Максимильен Роше, гордо подняла голову и процедила:

– Увидим.

Слово и тон, каким оно было произнесено, жгли язык, но Рене спокойно повернулась к моментально затихшим студентам и приступила к своим новым обязанностям. Право слово, она не требовала любить себя. Всё, что ей было нужно, – возможность работать. И если ради этого придётся целый год терпеть двух взбалмошных дурочек, ничего страшного. В конце концов, вряд ли они осмелятся сделать что-нибудь противозаконное.

Первая половина дня пролетела почти незаметно. Дел было так много, что Рене успела позабыть и о неприятных разговорах, и о странных намёках со стороны Дюссо. Как выяснилось, правая рука главы отделения пользовался здесь определённой славой, что её совершенно не удивило. Думать так было, конечно, непозволительно, потому что вопреки слухам о зашкаливающем половом инстинкте и страсти к молодым медсестричкам Жан Дюссо считался хорошим хирургом. Но Рене ничего не могла с собой поделать. Каждый раз, стоило ей заметить черноволосую кудрявую голову где-то в другом конце коридора, как шрам начинал мерзко чесаться, а ноги сами вели в ближайшую палату. Пустую, занятую, переполненную студентами – неважно. Она любым способом старалась избежать встречи, и мысли, что так предстоит делать ещё восемь с хвостиком месяцев, совершенно не радовали. Как не радовал и резидент Дюссо.

Франс Холлапак, чья фамилия с лёгкого сволочизма всё того же Дюссо теперь звучала в голове исключительно стыдливым Хулахупом, оказался громким, грубым и немного странным. Бросив непонятный взгляд, он холодно поблагодарил за помощь с расчётом несчастных антибиотиков, а потом ещё долго оборачивался вслед. И если сначала Рене хотела поддержать его, шутливо поделиться, что сама только вчера вспоминала, безусловно, необходимые формулы, то теперь не знала, а нужно ли. Зашуганный собственным наставником Франс никому не доверял, но предпочитал держаться безопасной компании Хелен и Клэр – медсестёр, что разыграли с утра не самую приятную сценку и, похоже, имели некую власть в отделении. Правда, это не волновало Рене, которая больше переживала за Франса. Увы, она слишком хорошо знала, как каким катастрофам мог привести страх задать вопрос, а в том, что Холлапак боялся наставника и самого Ланга, сомнений не оставалось. Однако сейчас было пока непонятно, как поступиться к визгливо возмущающемуся по любому поводу темнокожему резиденту.

Прохладный голос автоинформирования, что бездушно сообщил о катастрофе, застиг Рене на выходе из основного здания. Она как раз готовилась к обычной плановой операции (настоящей рутине, от которой к концу года несложно и мхом порастить), когда над головой зазвучал сигнал:

– *Доктор Ланг. Код синий. Первый этаж. Первый коридор. Комната один-двенадцать. Доктор Ланг. Код синий. Первый этаж. Первый коридор...*

И так до бесконечности. Код синий – реанимация, критическая ситуация.

В этот же миг «тревожный» пейджер издал надсадный писк. «Мойся», – гласил короткий приказ доктора Ланга. И стало очевидно, что местный любитель эпатажа вряд ли снизошёл бы до сообщения, не будь ситуация чертовски критической. А потому Рене бросилась в сторону скоростных лифтов.

До этого момента она ни разу не слышала, как приземляется на крышу большой вертолёт службы спасения, и теперь в замешательстве застыла на пару секунд. Гул от воздушных потоков так давил на уши, что хотелось зажать их руками. Старая больница и её изоляция не справлялись с движением ветра, что бился в огромном винте вертолёта. Стены мелко тряслись, и, похоже, вибрировал даже пол. Однако, поджав губы, Рене побежала ещё быстрее и в итоге едва не ввалилась в расположенную на другом конце коридора помывочную. Жёлтые хирургические тапочки в алую вишенку запутались в тёмной мягкой ткани знакомого джемпера, который отчего-то валялся прямо на голом полу, а затем глазам предстала напряжённая спина наставника.

Вопреки недавним размышлениям доктор Ланг не был одет в чёрную хирургичку. Наоборот, его костюм оказался настолько обычным, что Рене невольно замешкалась. Похоже, он просто взял тот из первого попавшегося автомата, которые стояли на каждом этаже этой больницы, и нацепил прямо здесь. Даже не удосужился зайти в раздевалку. И, наверное, хорошо, что ей пришлось задержаться сначала из-за путаницы в коридорах, а затем из-за чересчур медлительной группки студентов. Судя по валяющейся повсюду одежде, Ланг очень спешил, однако во всём остальном он был аккуратен. Идеальная собранность. Рене даже смутилась, потому что её собственный вид вызывал куда больше вопросов: растрепавшимися от беготни косами и развесёлыми тапочками, которые казались слишком уж легкомысленными рядом с прямой мужской спиной и тщательностью движений. Подойдя к раковине, она взялась за щётку и мыло.

– Двадцать один год. Мужчина. Доставлен почти через два часа после полученных травм, – неожиданно заговорил Ланг, а Рене невольно вздрогнула от звука его голоса. В пустом, выложенном кафелем помещении тот звучал гулко и низко, забираясь под хирургическую рубашку лёгким ознобом. – Множественные сочетанные переломы, проникающие ранения брюшной полости, обильная кровопотеря. Остальное по мелочи. Твои действия?

– Общий осмотр, сбор анамнеза. – Рене сосредоточенно скребла руки и при этом старалась не обращать внимания на то и дело мелькающее сбоку татуированное предплечье доктора Ланга. Даже несмотря на покрывающую его желтоватую пену, этот неведомый лабиринт линий будто манил.

– Три, два, один. Твой пациент умер на осмотре мочеполовой системы и попытке вывести, был ли гепатит у его бабушки, – всё так же монотонно откликнулся Ланг, а потом неожиданно резко мотнул из стороны в сторону головой, словно разминал затекшую шею.

Болела голова? Хм. Возможно. Наставник не был зол или разочарован, скорее всего, просто напряжён. Его длинные бледные пальцы двигались быстро, но с удивительной точностью работа и столь же бездумно, как будто выполняли давно зашитую в электронные мозги программу. И кто знает, может, так оно и было.

Всё же, не удержавшись, Рене скосила взгляд и посмотрела на нахмуренный профиль. На ум пришло слово «острый»: острый нос, острый подбородок, даже череп казался острым из-за сведённых на переносице контрастно тёмных бровей и сжатых до синевы губ. И вроде бы Ланг был достаточно молод, но тяжёлый взгляд, которым хирург взглянул на неё в ответ, припечатал к земле будто бы парой десятков лет разницы. А может, и больше. Смутившись, она уставилась на собственные руки и с чрезмерным усилием принялась скрести пальцы, стараясь игнорировать навязчивое жжение там, где была содрана кожа. Тем временем шум воды рядом стих.

– Ещё варианты?

Рене задумалась и оттого неудачно провела щёткой в месте вчерашнего удара. Обернувшись на её шипение доктор Ланг ничего не сказал, только мазнул взглядом по ссадинам и синякам и снова равнодушно отвернулся.

– Кто мой пациент? – наконец спросила она, поборов желание сжать измученные пальцы.

– Суицидник-летун, – раздалось в ответ хмыканье, и больше вопросов не осталось.

Перед глазами сами собой появились не только необходимые изображения, но даже строчки из учебников о видах и характере травм. Оторвав несколько бумажных полотенец, Ланг быстро продолжил:

– Третий этаж и решётка забора – не самое удачное место для приземления. Впрочем, судя по состоянию этого идиота, для попытки свести счёты с жизнью оно также не подходит.

Услышав вырвавшееся оскорбление, Рене поморщилась, но ничего не сказала. Это не её дело – судить кого-то, и уж точно не ей читать нотации своему наставнику в первый рабочий день. Господи, это будет очень тяжёлый год...

– Но почему вертолёт? – В свою очередь, локтем выключив воду, она повернулась.

– Хотел прыгнуть с высоты, но пролетел лишь парочку этажей, встретился с козырьком одного из окон и тут же приземлился на ограждение террасы двумя метрами ниже. Высота штырей около десяти сантиметров. Предварительный удар спас от разрывов, но не от внутренних повреждений. Говорю же, парень – редкостный идиот, – проговорил Ланг, пока методично промокал руки салфетками. А потом на мгновение замер и добавил уже жёстче: – Готовься. Вряд ли ты когда-нибудь видела столько крови.

Полотенце отправилось в мусорное ведро, а Рене сглотнула.

– Ясно.

– У тебя будет одна попытка доказать, что ты не безнадежна, – холодно бросил Ланг, а затем посмотрел на неё в упор. И захотелось скрыться. Просто утечь в канализацию следом за мыльной водой, чтобы хоть на время избавиться от взгляда лютого презрения, которым её одарили с головы до ног.

Желтоватые глаза главы отделения задержались на выбившихся из прически кудрявых прядках, посмотрели на чуть скособоченный костюм, а потом долго гипнотизировали проклятые «вишенки», чтобы в следующий момент взметнуться вверх. И господи, столько насмешки Рене ещё никогда не видела.

– Роше, мне плевать, делала ли ты это раньше, страшно тебе или нет. Плевать, даже если ты сейчас пробыёшь пол головой. Вчера ты не поняла моих слов, так я повторю их снова: проваливай. А нет – то ты знаешь правила...

– Никаких споров, – едва слышно произнесла Рене. Ланг же немного помолчал, прежде чем неожиданно насмешливо протянул:

– А ты, оказывается, послушная.

Боже... Боже-боже-боже. Они знакомы всего сутки, а ей уже хотелось кричать от собственного бессилия. Но вместо этого Рене лишь скованно улыбнулась. Что бы ни случилось, она не поддастся на чужие эмоции, не станет отвечать раздражением на откровенную злость. И, видимо, поняв это, Ланг снова хмыкнул, а затем внезапно толкнул локтем коробку со стерильным пластырем в сторону Рене и отвернулся, чтобы плечом открыть дверь в операционную.

– Почему мы? – Вопрос вырвался сам. Она не хотела его задавать, боясь выдать собственный страх. Однако, заметив, что доктор Ланг остановился, пояснила: – В скорой достаточно прекрасных врачей, но в итоге именно мы бросаем нашего пациента и мчимся к другому. Почему?

Долгие мгновения он не смотрел в её сторону, не поворачивал головы, гипнотизируя дверные петли, а потом неожиданно улыбнулся. И его профиль с нечеловеческим оскалом выглядел совершенно безумно.

– Потому что это весело.

Хлопок двери заглушил вырвавшийся у Рене судорожный вздох.

Операционная в главной больнице Монреаля почти ничем не отличалась от всех виденных ранее. Возможно, чуть больше. Возможно, чуть современнее. Но когда Роше проскольз-

нула внутрь прохладного помещения, то не заметила всего этого. Её поразила бурлящая толпа, которая о чём-то шумно переговаривалась. Люди находились в постоянном движении и даже толкались. Только Ланг с уже знакомой белокурой операционной медсестрой стояли около негатоскопа, о чём-то тихо переговариваясь, ну и ссутулившийся на стуле около большой модульной анестезиологической системы мужчина в шапочке с логотипом «Звёздных войн» невозмутимо насвистывал весёленькую мелодию. В общем, атмосфера настолько контрастировала со спокойствием и деликатностью, к которым привыкла Рене в Квебеке, что она растерялась. Но в следующий момент на неё надели халат, руки скользнули в перчатки, и она повернулась к подошедшему наставнику.

– Твоё дело – только кровотечения. Поняла? – Приглушённый голос звучал торопливо, но удивительно бодро. Ни следа привычной скуки.

– Да, сэр.

Дождавшись ответа, Ланг хотел уже было отвернуться, однако неожиданно как-то странно взглянул на Рене, и маска на его лице колыхнулась. Он будто принимался к чему-то, затем оглянулся проверить, заметили ли что-нибудь остальные, но персонал был занят своими делами. Нахмурившись, Ланг кивнул и отошёл, чтобы в последний раз свериться с качеством и расположением травм. Ну а Рене услышала:

– Всегда приятно, когда в операционной появляется новое лицо. – Повернув голову, она увидела первую за сегодня искреннюю улыбку, когда весёлые морщинки собрались около голубых глаз, а бледно-рыжие брови забавно дёрнулись. Маска могла скрывать половину лица, но этим Рене было не обмануть. – Доктор Фюрст. А вы, судя по записям, доктор Роше. Верно?

– Да, сэр.

– В ваших хирургических балахонах и родственников-то не узнаешь. Жаль, что приходится начинать профессиональное знакомство в такой сумбурной обстановке. Кстати, отличный выбор обуви.

Он махнул рукой на жёлтые тапочки, а затем повернулся к пациенту, чтобы проверить значения на манометрах. Неровно пищали сердечные ритмы, на мониторе рисовались дёргающие зубцы. Во рту пересохло от волнения, но Рене всё же тихо поблагодарила за простое человеческое участие:

– Спасибо.

– Ну же, пошевеливаемся. Иначе неудачник в конце концов отправится на небеса, а я пока ещё не давал на это своего согласия, – донёсся до них раздражённый голос доктора Ланга, и помещение на мгновение взорвалось хаотическим движением, а потом резко затихло.

За годы учёбы Рене видела много разных операций, работала с разными хирургами, в разных отделениях, и в каждом из них всегда были свои любимые особенности. Например, детские врачи продолжали разговаривать со своими маленькими пациентами даже во время наркоза, словно те могли слышать их мягкие, успокаивающие голоса. Сосудистые хирурги вечно кричали, злились и ругались на качество шовного материала. Ортопеды пересказывали любимые хоккейные матчи, нейрохирурги – последнюю партию в гольф. Онкологи обсуждали скандалы симпозиума по микробиологии, а кардиологи – новые винные бары. Здесь же, в этом гулком коробе с ярким светом бестеневых ламп, не было ничего. Ни шуток, ни смешков, даже команды отдавались шёпотом или попросту взглядом, потому что... Рене встала около пациента и посмотрела в глаза наставника. Потому что доктор Ланг, как оказалось, обладал удивительной особенностью к тренировке своего персонала. Почти дрессуре. Его окружала такая завеса уникальности и абсолютной власти, что каждый из присутствующих невольно пытался ему соответствовать. Никаких споров. Это уж точно.

Ланга боялись. Не так, как страшатся сильных мира сего, но для большинства его разочарование было даже хуже уголовного срока. Ибо работать в команде главы отделения счи-

талось здесь вершиной если не карьеры, то способностей точно. Даже смелая в ординаторской Хелен теперь молчала и с неожиданной готовностью ловила каждый взгляд, вздох или намёк на жест, чтобы предугадать команду своего кумира. Ланг царил здесь подобно Господу Богу и с тем же упрямством, которое едва не граничило с гордыней, пускал в святая святых операционного театра только достойнейших. Рене достались кровотечения. Что ж, очевидно, она пока недостойна. Кто-то сказал бы: «Как унижительно!» Но она молча взялась за аспиратор и приготовилась очищать операционное поле. Разводить споры над телом больного – худшее, что можно придумать. И, похоже, Энтони Ланг прекрасно донёс до остальных эту истину, ибо никто из его команды даже не подумал открыть рот.

Как всегда, накатило волнение и вспорол шрам надоедливый зудом. Дёрнув плечом, Рене попыталась было избавиться от этого ощущения, но оно противной занозой засело под маской и никак не хотело прекращаться. Находящийся позади доктор Фюрст, видимо, заметил нервное движение, потому что внезапно Рене услышала шёпот на странном французском.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.